

Наталья Таубина

директор Фонда «Общественный вердикт»

Доступ граждан к правосудию – один из ключевых принципов, наличие которого определяет степень развития государства как правового и демократического. Возможность получить правовую помощь является неотъемлемой и важной частью доступа к правосудию. Наше государство продекларировало приверженность принципам доступа к правовой помощи и предпринимает шаги для их реализации. В частности, в стране созданы государственные юридические бюро, которые из эксперимента в некоторых регионах должны превратиться в общую практику в стране. В этих юрбюро отдельные категории граждан могут получить бесплатную юридическую помощь по гражданским делам. В уголовном процессе подозреваемые (обвиняемые) или подсудимые имеют право на бесплатного защитника (адвоката по назначению). (Забегая вперед, скажу, что следующий за этим номер бюллетеня мы планируем посвятить вопросам доступа к правовой помощи по уголовным делам и правам потерпевшим). В июне этого года президент внес в Госдуму законопроект «О бесплатной юридической помощи в РФ», носящий рамочный характер и определяющий организационно-правовые основы формирования государственной и негосударственной систем бесплатной юридической помощи в России.

Согласно исследованиям и экспертным оценкам, человек, не обладающий специальными знаниями, далеко не всегда способен оценить, насколько ему необходимо использовать юридические механизмы. И далеко не каждый, кто понимает, что действовать нужно юридическими инструментами, может самостоятельно эффективно ими воспользоваться. Программы юридической помощи как раз подразумевают, что для человека, не имеющего юридического образования и не знающего юридических техник, создается возможность обратиться к специалисту за правовой помощью в разрешении его проблемы.

Этот номер бюллетеня мы посвятили тому, как в нашей стране реализуется право на доступ к юридической помощи. Но кроме этого мы посчитали важ-

ным показать, что происходит дальше, как и насколько качественно проходят официальные разбирательства.

Здесь вы найдете статьи, которые раскрывают это право с точки зрения международных стандартов, а также описывают, как оно регулируется в российском законодательстве и практике. Для номера также подготовлена статья, рассказывающая об истории появления законопроекта «О бесплатной юридической помощи в РФ».

Ситуаций, требующих вмешательства юридических механизмов, огромное множество, и они крайне разнообразны – это и бытовая ссора, и раздел собственности, и вступление в права наследования, и оформление инвалидности, и угон автомобиля, и квартирная кража, и разбой, и убийство, и исчезновение близкого человека, и многое другое. В том числе – проблемы детей-инвалидов и возможности правоприменительной системы, а также государственных органов обеспечивать им должную защиту их прав, в первую очередь – права на развитие и автономию личности. В бюллетене представлена одна статья, посвященная этой теме, и она показывает, как из-за непрофессионализма ответственных людей могут возникать ситуации, которые по своим последствиям становятся жестоким обращением с человеком.

Традиционно мы обращаем основное внимание на ситуации, когда люди пытаются восстановить свои права, нарушенные правоохранительными органами. Это часть мандата нашей организации. В бюллетене мы посчитали важным уделить внимание и обычным ситуациям, где нет чрезмерного насилия, пыток и пр., а есть обыкновенные люди и их обыкновенные истории, которые оборачиваются затыжными проблемами из-за неэффективности и/или ограниченности юридических механизмов.

В предлагаемых читателю статьях поднимаются актуальные для российской действительности вопросы: гарантирует ли сам факт наличия доступа к помощи понимание, как воспользоваться процедурой (куда и как обратиться); в какой степени всесторонне, объектив-

но и обоснованно рассматривается ситуация при обращении человека; есть ли гарантии, что она будет разрешена адекватно.

Опыт и нашей работы, и коллег в разных городах страны показывает, что довольно распространенной является проблема, когда юридическая интерпретация утрачивает связь с реальной ситуацией, когда приходится доказывать очевидные вещи. Нередки случаи, конкретные истории людей, обращающихся за помощью в Фонд или другие организации, когда одновременно с правовыми механизмами требуется задействовать более широкий спектр помощи – медицинской, психологической, социальной, экспертной, административной и т.д. В какой степени в нашей стране есть понимание этих проблем, как они разрешаются на практике – эти вопросы обсуждают на страницах издания специалисты Фонда, эксперты и журналисты.

Номер также содержит традиционные «Хронику» Фонда и раздел «Дела». Предыдущий выпуск бюллетеня был посвящен реформе органов внутренних дел – теме для нашей страны крайне важной и актуальной. На страницах этого номера мы предлагаем хронику реформы ми/полиции с конца 2010 года, в которую включены действия и властей, и правозащитников.

Мы надеемся, наш бюллетень внесет скромный вклад в совершенствование системы юридической помощи в нашей стране, расширение ее границ и повышение эффективности.

Дела Фонда «Общественный вердикт», которые привлекли внимание СМИ и общественности:

Дело Константина Патина (Ульяновская область). Старший оперуполномоченный отдела милиции № 3 УВД по Ульяновску Евгений Симкин признан виновным в превышении должностных полномочий с применением насилия и спецсредств по отношению к бизнесмену Константину Патину. Молодого человека избивали и пытали в отделении милиции, добиваясь признания в надуманном преступлении – хищении 1000 рублей – практически на глазах жены. Симкин приговорен к трем годам заключения, в отношении его коллег Следственный комитет проводит проверку.

Дело Николая Предтеченского (Ленинградская область). Выборгский городской суд приговорил к лишению свободы сроком на шесть лет каждого, с отбыванием наказания в колонии общего режима, милиционеров – Алексея Савиновского и Антона Корнейчика, которые летом 2010 года избili и ограбили петербургского предпринимателя Николая Предтеченского, а затем сожгли его машину. Инцидент произошел на трассе Санкт-Петербург – Выборг. Милиционеры признаны виновными в превышении должностных полномочий с применением насилия, а также в угоне и умышленном уничтожении (поджоге) автомобиля предпринимателя.

Дело Константина Подъяпольского и Ольги Мазур (Москва). Супруги Подъяпольский и Мазур 31 мая 2010 года принимали участие в митинге «В защиту 31 статьи Конституции», проходившем на Триумфальной площади, и были задержаны сотрудниками милиции. Уже в милиции, под диктовку начальства, милиционеры составили протоколы, в которых указывалось, что супруги участвовали в перекрытии проезжей части. Фальсифи-

каторы не учли, что движение накануне было официально перекрыто московскими властями. 10 марта 2011 года Тверской суд обязал Минфин РФ выплатить супругам по пять тысяч рублей каждому в счет компенсации за незаконное задержание.

Дело Александра Прихожана (Республика Коми). Житель Сыктывкара Александр Прихожан, доставленный в спецприемник осенью 2010 года, был избит дежурным милиционером при сдаче вещей на хранение. 30 июня 2011 года милиционер Овсянников, избивший Прихожана, был осужден на три года условно за превышение должностных полномочий. Следует отметить, что на суде милиционер признался в преступлении и принес потерпевшему извинения. Однако это произошло только под давлением неопровержимых доказательств – избивание было зафиксировано видеокамерой, а в спецприемнике, когда там находился потерпевший, находились члены Общественной наблюдательной комиссии, которые опросили избитого гражданина и отвезли в медпункт.

Дело Маши Нистратовой (Московская область). В течение нескольких лет мать 11-летней девочки добивается от следователей проведения расследования и возбуждения уголовного дела. Дело касается падения с большой высоты и получения тяжелых травм на соревнованиях по скалолазанию в подмосковных Люберцах. В 2009 году из-за халатности организаторов восьмилетняя Маша Нистратова сорвалась и получила многочисленные тяжелые травмы. Однако до сих пор следствие отказывает в расследовании дела. А в апреле 2011 года следователь на основании истечения срока давности по делу сделала вывод об отсутствии состава преступления.

Дело Таисии Осиповой (Смоленская область). Таисия Осипова более полугодом содержится в СИЗО Смоленска, не получая адекватной медицинской помощи, а также не имея возможности пройти полное медицинское обследование. Осипова страдает тяжелой формой сахарного диабета, панкреатитом и хроническим пиелонефритом. 16 июня 2011 года Осипова добилась через суд проведения медосвидетельствования. Суд обязал администрацию СИЗО обеспечить проведение обследования по диагнозу «сахарный диабет». Тем временем Международная Организация по борьбе с пытками (ОМСТ), рассмотрев материалы, подготовленные российскими правозащитными НПО, в том числе и Фондом «Общественный вердикт», обратилась к Президенту России и призвала провести независимую медицинскую экспертизу и оказать необходимую помощь. Также ОМСТ призвала освободить заключенную из-под стражи и провести расследование в соответствии с международными правовыми стандартами.

Дело Евгения Шишова (Камчатский край). В ноябре 2007 года житель поселка Центральные Коряки Евгений Шишов был задержан сотрудниками милиции и доставлен в поселковое отделение милиции. Оперуполномоченный Дунаев объявил, что Шишов «попал в Корякское гестапо», после чего достал из-под стола бейсбольную битку и стал избивать задержанного, чтобы тот признался в угоне автомобиля. В апреле 2011 года Елизовский районный суд Камчатского края назначил Дунаеву наказание сроком 3,5 года колонии общего режима, обязав милиционера выплатить потерпевшему 150 000 рублей в счет компенсации морального вреда.

Как добиться возмещения вреда? Рассказывается в новом издании Фонда

Методическое пособие «Возмещение вреда, причиненного незаконными действиями должностных лиц и государственных органов, осуществляющих производство по уголовному делу» подготовлено экспертами Фонда совместно с Федеральной палатой адвокатов Российской Федерации зимой 2010/11 года. В пособии рассматривается широкий круг вопросов, связанных с необходимостью добиваться через суд возмещения вреда, который был причинен должностными лицами и государственными органами. Издание адресовано юристам, адвокатам, пра-

возащитникам и всем гражданам, заинтересованным в защите и восстановлении своих прав или представлении чужих интересов в судах страны. Авторами выделяется ряд оснований для привлечения органов дознания, предварительного следствия, прокуратуры и суда к ответственности за незаконные действия. Подробно описывается правовая регламентация ответственности и ее общие и специальные основания. Издание включает приложение, в котором содержатся список решений Европейского Суда по правам человека (ЕСПЧ), упомянутых в пособии, образцы исковых заявлений о компенсации материального и морального вреда, а также примеры судебных решений о взыскании морального вреда.

Верховный комиссар ООН разочарована ситуацией с правами человека в России

В Общественном центре и музее Андрея Сахарова (Москва) 3 февраля прошла встреча представителей российских неправительственных и правозащитных организаций с Верховным комиссаром ООН по правам человека, г-жой Нави Пиллай. Это был первый визит в нашу страну международного чиновника в должности Верховного комиссара ООН по правам человека. Свой визит в Россию Нави Пиллай решила начать со встречи с представителями гражданского общества. Участие в трехчасовом общении приняли более пятидесяти раз-

личных правозащитных организаций, в их числе Фонд «Общественный вердикт». Представители Фонда рассказали Верховному комиссару о грубых нарушениях прав граждан со стороны сотрудников правоохранительных органов, о причинах, которые не позволяют коренным образом изменить ситуацию. Выслушав доклады правозащитников, г-жа Пиллай отметила, что «разочарована ситуацией, складывающейся в области соблюдения и защиты прав человека в России, принимая во внимание тот факт, что Россия является весьма развитой страной в экономическом и культурном планах». Проблемы, о которых говорили представители НКО, впоследствии были озвучены Верховным комиссаром на встречах с представителями российской власти, в частности, Президентом России, генеральным прокурором и председателем Конституционного Суда.

Закон «О полиции» требует доработки, у власти нет концепции реформы

5-6 февраля в Фонде «Общественный вердикт» прошла двухдневная рабочая встреча Рабочей группы правозащитных организаций по реформе

МВД. Эксперты обсуждали подписанный президентом Закон «О полиции». По результатам обсуждения норм закона Рабочая группа выразила обеспокоенность тем, что Концепция реформирования МВД так и не была представлена обществу для обсуждения. Это обстоятельство вынуждает членов Рабочей группы считать, что у властей отсутствует комплексное видение реформы. В заявлении, сделанном по результатам встречи, Рабочая группа отмечает, что Закон «О полиции» не отвечает интересам общества. В законе зафиксированы основополагающие принципы правового государства – запрет пыток, приоритет соблюдения прав человека, но эти принципы не подкреплены нормами самого закона.

НПО стран Совета Европы обсуждают в Страсбурге реформу Европейского Суда по правам человека

9 февраля в Страсбурге (Франция) состоялись консультации Комитета экспертов по реформе Европейского Суда по правам человека с представителями гражданского общества и национальных правозащитных организаций. Во встрече приняли участие

представители гражданского общества и организаций из более чем 12 стран (Бельгии, Болгарии, Великобритании, Франции, России и других). В рамках консультаций обсуждались возможности принять новые механизмы фильтрации поступающих в Суд дел, упростить процедуры внесения поправок в Конвенцию, а также ввести систему сборов для заявителей. Вместе с представителями Фонда «Общественный вердикт» участие в консультациях от российских правозащитных организаций приняли представители «Мемориала» и Центра содействия международной защите.

Во Франции обсудили российскую милицию (полицию)

25 марта в Центре международных исследований (CERI), Париж (Франция) в рамках проекта «Современные формы насилия» эксперты Фонда приняли участие в международном научном семинаре под названием «О(б)судить российскую милицию», посвященном проблеме насилия в полиции. Основная дискуссия на семинаре развернулась вокруг вопросов о том, каковы причины, сдерживающие изменения практик работы полиции, как устроена профессиональная со-

Зал заседаний Европейского суда по правам человека, Страсбург (Франция)

циализация сотрудников полиции и многое другое. Формат семинара предполагал открытое общение между российскими и французскими специалистами по проблемам насилия в правоохранительной сфере и социологии полиции. Эксперты Фонда представили результаты нескольких социологических исследований, рассматривающих отношения между милицией и отдельными социальными группами, а также рассказали об опыте российских правозащитных организаций в защите пострадавших от милицейского насилия.

В Праге учрежден Гражданский форум Россия – Европейский союз

29-30 марта в Праге (Чешская республика) состоялась Учредительная конференция Гражданского форума Россия – ЕС, в которой принял участие Фонд «Общественный вердикт». На конференции были избраны члены первого Координационного совета Форума. В состав совета вошли представители ведущих общественных организаций и гражданских движений России и стран Европейского союза, в их числе – директор Фонда «Общественный вердикт» Наталья Таубина.

Инициатива создания Гражданского форума Россия – ЕС была выдвинута в начале 2010 г. группой неправительственных организаций и представителей гражданского общества ЕС, которые предложили обновить российско-европейское сотрудничество в сфере гражданского общества. Цели Форума предполагают развитие общих позиций организаций граж-

данского общества в России, Европейском союзе и других европейских странах в сфере прав человека, социальной справедливости, демократии, верховенства права, окружающей среды и других важных для европейского и российского обществ сферах.

«Общественный вердикт» впервые опубликовал «Индекс доверия полиции»

6 апреля Фонд «Общественный Вердикт» опубликовал результаты первого, с момента переименования милиции, замера – «Индекс доверия полиции». Исследование – совместная разработка «Общественного вердикта» и Аналитического центра Ю. Левады. Индекс отражает динамику массовых настроений граждан и уровень их доверия полиции. Результаты исследования, проведенного в марте 2011 года, показывают, что процесс реформы несколько повысил уровень позитивных ожиданий граждан от сотрудников правоохранительных органов, однако новое ведомство должно эффективно воспользоваться выданным «кредитом доверия», чтобы избежать серьезного разочарования со стороны общества. Результаты опроса показали, что доверяют полиции 35% граждан. Около трети граждан (34%) удовлетворены работой правоохранительных органов. Большинство опрошенных (56%) в той или иной степени недовольны тем, как работают полицейские. При этом способность полицейских защитить граждан и их близких от преступников сами граждане оценивают достаточно пессимистично – более половины (58%)

не считают, что полицейские в состоянии защитить их жизнь и имущество.

«Общественный вердикт» презентует в Общественной палате РФ «Рабочую тетрадь для членов ОНК»

18 апреля в Общественной палате РФ, в рамках установочного семинара для группы руководителей и членов Общественных наблюдательных комиссий (ОНК), Фонд «Общественный вердикт» представил «Рабочую тетрадь для членов ОНК». Обучение членов Общественных наблюдательных комиссий было организовано Общественной палатой РФ и Представительством Европейского союза в Москве, при поддержке Современной гуманитарной академии. Презентацию «Рабочей тетради» и обучение участников семинара провела автор «Рабочей тетради», эксперт Фонда «Общественный вердикт», Асмик Новикова. Организация и подготовка семинара проходили при участии «Penal Reform International» (PRI) («Международная тюремная реформа»), в рамках деятельности Рабочей группы по формированию и взаимодействию с общественными наблюдательными комиссиями Общественной палаты РФ.

«Рабочая тетрадь для членов ОНК» – это специальная разработка, задача которой – помочь ОНК рационально организовать свое наблюдение в местах принудительного содержания граждан. «Тетрадь» устроена таким образом, что обращает внимание наблюдателей на обстоятельства и факты, аналогичные тем, что были рассмотрены ЕСПЧ и привели к признанию нарушений. Тем самым «Рабочая тетрадь» является практическим инструментом для содействия властям в исполнении (в части мер общего характера) постановлений ЕСПЧ.

Эксперты Фонда на конференции в Вашингтоне рассказали о роли российских НПО в исполнении постановлений Европейского Суда по правам человека

3 мая эксперты Фонда приняли участие в конференции «Россия и Европейский Суд по правам человека: последствия для политики США», организованной Институтом Кеннана и Фондом им. Генри Джексона. Конференция проходила в центре им. Вудро Вильсона в Вашингтоне (США).

Главной целью конференции стала попытка изучить растущее влияние ЕСПЧ на развитие правового государства в России. С докладом в одной из трех панельных дискуссий конферен-

Наталья Таубина выступает на учредительной конференции Гражданского форума ЕС-Россия, которая проходила 29 - 30 марта 2011 года

ции выступила директор Фонда Наталья Таубина. Выступление было посвящено опыту и роли российских НПО в исполнении постановлений ЕСПЧ. Тематика конференции затрагивала круг проблем, с которыми приходится сталкиваться России в области имплементации принципов верховенства права. Российские и иностранные докладчики указали на тот круг неизменных проблем, которые препятствуют установлению принципов правового государства – высокий уровень коррупции, неисполнение судебных решений, нарушение основных гражданских прав и свобод, чрезмерное применение мер предварительного заключения, а также другие процессуальные нарушения.

«Общественный вердикт» на Международной Сахаровской конференции

20-21 мая в Москве прошла международная конференция «Андрей Сахаров. Тревога и надежда – 2011». Конференция ознаменовала открытие целого ряда мероприятий, посвященных 90-летию известного ученого и общественного деятеля. Эксперты Фонда «Общественный вердикт» в рамках конференции организовали и провели секцию «Права человека и общественная безопасность». В ходе дискуссии были рассмотрены актуальные проблемы в области баланса безопасности и прав человека в мире.

Фонд принял участие в мероприятиях Гражданского форума Россия – ЕС в Нижнем Новгороде

9-10 июня в Нижнем Новгороде прошел саммит «Россия – Евросоюз»,

Семинар для следователей Следственного комитета РФ в Красноярске

участие в котором принял президент России Дмитрий Медведев, а также представители Евросоюза. В его рамках обсуждались отношения между Россией и ЕС. Координационный Совет Гражданского форума в период проведения саммита провел ряд параллельных мероприятий – пресс-конференцию, дискуссию с представителями гражданского общества Нижегородской области, переговоры с чиновниками из Европейской комиссии. Через несколько дней после саммита члены Координационного Совета также провели переговоры с представителями МИД РФ по вопросам развития сотрудничества и возможности участия Гражданского форума в межгосударственном диалоге.

Правозащитники обучают следователей Следственного комитета стандартам эффективного расследования

5 июля в Красноярске «Общественный вердикт» совместно с Юридическим институтом Сибирского федерального университета и Красноярским комитетом по защите прав человека провели просветительский и образовательный семинар для молодых следователей Следственного комитета. Центральной темой семинара стали стандарты эффективного расследования. Правозащитниками была разработана «Рабочая тетрадь для следователей», в которую были включены практические упражнения, построенные на распространенных ошибках следствия, которые приводили к грубым нарушениям прав граждан в практике следственной работы прокуратуры и милиции. Такие случаи были рассмотрены Европейским Судом по правам человека, что, как правило, приводило к признанию нарушений стандартов эффективного расследования.

Аналогичные семинары были проведены в ноябре 2010 года в Перми, при поддержке Следственного управления по Пермскому краю, а также в январе 2011 года в Сыктывкаре, при поддержке Следственного управления Республики Коми.

Семинар для следователей Следственного комитета РФ в Красноярске

ХРОНИКА

РЕФОРМЫ ПОЛИЦИИ

ДЕЙСТВИЯ ВЛАСТЕЙ

И РАБОТА ПРАВООЗАЩИТНИКОВ

Законопроект «О полиции» 28 января 2011 года был рассмотрен в Государственной думе во втором и третьем чтениях и принят. К этому моменту Рабочая группа НПО по реформе МВД разработала свои предложения в статье законопроекта. Поправки, которые предлагала Рабочая группа, касались Общественных советов, создаваемых при территориальных органах внутренних дел, гражданского контроля и публичности, открытости работы полиции, а также подотчетности перед гражданами. Предложения были представлены в президентский Совет по развитию гражданского общества и правам человека, вошли, в числе других, в пакет предложений от Совета, а также частично были представлены ко второму чтению в пакете поправок, предложенных депутатом Б.Л. Резником.

К сожалению, большинство поправок были отклонены в ходе рассмотрения законопроекта во втором и третьем чтениях. В частности, Госдума не сочла возможным принять поправки, которые должны были обеспечить внедрение системы независимой оценки деятельности полиции наряду с ведомственным контролем и оценкой (причина отклонения – «противоречит концепции законопроекта»). Были также отклонены поправки в нормы, касающиеся формирования Общественных советов при МВД. Рабочая группа предлагала законодательно внедрить принцип, при котором состав Общественного совета формируется независимо от руководства МВД (причина отклонения – «излишняя детализация»). Помимо этого депутаты отказались включить в текст закона положения, описывающие права Общественных советов, сославшись на то, что это не является предметом регулирования данного законопроекта. Поправки, которые должны были обеспечить условия для гражданского

контроля и тем негосударственным некоммерческим организациям, представители которых не входят в Общественную палату, Общественные советы и общественные наблюдательные комиссии, – также были отклонены по причине того, что «поправка не учитывает специфики деятельности полиции».

Причины, указанные как основания для отклонения поправок, звучат обескураживающе. Все поправки, предложенные Рабочей группой, были направлены на практическое раскрытие тех принципов работы полиции, которые уже были зафиксированы в редакции законопроекта, предложенной к первому чтению. Поэтому поправки никак не могли противоречить концепции законопроекта, т.к. не добавляли никакой новой логики, а скорее доводили до нужного предела уже предложенную логику законодателя. А претензия к поправкам Рабочей группы об их излишней детализации выглядит вежливой формой игнорирования, если учитывать, что, например, статьи закона, которые регламентируют задержание или проникновение в жилище, являются достаточно подробными. В целом они составлены из действующих ведомственных нормативных актов, которые инкорпорировали в текст законопроекта.

Президент подписал Закон «О полиции» 7 февраля 2011 года, и с 1 марта 2011 года закон вступил в силу.

На заседании президентского Совета по развитию гражданского общества и правам человека в начале февраля президент заявил, что закон несовершенен и к внесению поправок можно будет вернуться через полгода. При этом в Госдуме уже стали поступать поправки к закону. Так, в июне появилась поправка, продлевающая

на год (до 1 января 2013 года) несение полицией полномочий по содержанию иностранных граждан и лиц без гражданства в специально отведенных помещениях органов внутренних дел (полиции). Речь идет об иностранцах, которые подлежат административному выдворению за пределы территории России.

Рабочая группа правозащитных НПО по реформе МВД 1 марта объявила о намерениях вести мониторинг применения Закона «О полиции». Результаты этого мониторинга будут представлены осенью 2011 года. Тогда же планируется разработать и представить предложения по внесению изменений в закон на основе выводов мониторинга.

В марте 2011 года «Трансперенси Интернэшнл – Р» выступила с инициативой провести антикоррупционную экспертизу Закона «О полиции». «Трансперенси Интернэшнл – Р» предложила заинтересованным экспертным организациям принять участие в этой работе. Рабочая группа поддержала эту инициативу, и часть организаций-членов Рабочей группы – Фонд «Общественный вердикт», МРОО Комитет против пыток, Институт прав человека, Ассоциация Агора – подготовили свои заключения. Аналитическая справка «Общественного вердикта» размещена на сайте организации – <http://www.publicverdict.org/topics/research/9270.html>

В связи со вступлением в силу Закона «О полиции» президент 1 марта подписал пакет указов в развитие закона. В частности, это указы о предельной численности органов внутренних дел, типовом положении о территориальном органе МВД, внеочередной аттестации, вопросах организации полиции. Полный перечень указов и их тексты

опубликованы на сайте президента – <http://www.kremlin.ru/acts?date=1+%D0%BC%D0%B0%D1%80%D1%82%D0%B0+2011>

В марте президент внес в Государственную думу законопроект о социальных гарантиях сотрудникам органов внутренних дел РФ. Документ находится на рассмотрении в Госдуме. Фонд «Общественный вердикт» изучил текст законопроекта, принял участие в обсуждении документа с участием представителей МВД в Общественной палате, где высказал критику ряда положений законопроекта, а также поддержал важность принятия документа, укрепляющего социальные гарантии сотрудникам МВД.

В соответствии с указом о внеочередной аттестации сотрудников органов внутренних дел была сформирована комиссия во главе с Нарышкиным С.Е., руководителем администрации президента России. Изначально в состав комиссии не были включены представители общественности, и только после публичной критики в работу комиссии включили А. Кучерену (председателя Комиссии Общественной палаты по общественному контролю за деятельностью правоохранительных органов и реформированием судебно-правовой системы) и И. Резника (председателя Общественного совета при МВД РФ).

Члены Рабочей группы, ряд других правозащитных и журналистских организаций направили запросы в региональные управления внутренних дел с просьбой включить их представителей в состав аттестационных комиссий. В ответ пришли отказы, либо запросы были проигнорированы. В отказах в качестве аргументов давалась ссылка на приказ министра МВД, согласно которому в комиссии от общественности могут входить либо члены общественных советов при региональных управлениях внутренних дел, либо представители ветеранских организаций.

В интервью прессе министр МВД Р.Г. Нургалиев сообщил, что разработан и утвержден ряд документов в развитие Закона «О полиции» и реформы МВД. В частности – план, порядок, рекомендации, регламентирующие проведение переаттестации. Однако ни один из этих документов недоступен в публичном пространстве.

Рабочая группа правозащитных НПО по реформе МВД выразила свое недовольство тем, как организована переаттестация. Основная критика касалась того, что процесс является закрытым и неподконтрольным для общественности. В заявлении Рабочей группы гово-

рилось о непрозрачности самого процесса переаттестации, было высказано требование опубликовать документы, регламентирующие проведение переаттестации.

27 апреля Р.Г. Нургалиев в интервью «Милицейской волне» заявил, что в министерстве разработана и утверждена инструкция, регламентирующая порядок отчетности должностных лиц перед гражданами, и она вступит в силу 1 июня 2011 года. Инструкции в открытом доступе не имеется, и по состоянию на август процесс ее вступления в силу неизвестен.

Рабочая группа подготовила запросы в МВД, в которых просит предоставить нормативные документы, касающиеся того, как полиция должна учитывать оценки граждан и отчитываться перед ними. Запросы были направлены в МВД как от имени Рабочей группы, так и от имени президентского Совета по развитию гражданского общества и правам человека. На запрос от Рабочей группы МВД сообщило, что, во-первых, в аттестационные комиссии входят члены Общественных советов при органах внутренних дел и представители ветеранских организаций, во-вторых, одной из задач Общественных советов при МВД является информирование граждан о деятельности органов внутренних дел. Иными словами, ведомство в лице И.В. Агеева, заместителя начальника управления Департамента государственной службы и кадров МВД РФ, отказалось само информировать о своей деятельности, перенаправив за информацией в Общественные советы.

Примечательно, что сделано это было как раз в тот момент, когда действовавшие до вступления в силу Закона «О полиции» Советы расформированы, а новые еще не утверждены. Полученный ответ является убедительным доказательством декларативности статьи 8 нового Закона «О полиции», провозглашающей публичность и открытость полиции.

В мае президент подписал Указ «Об Общественных советах при Министерстве внутренних дел». Представители Рабочей группы принимали участие в подготовке предложений и дополнений в проект указа. Часть предложений Рабочей группы была учтена, но многое осталось непринятым. Рабочая группа публично выразила серьезную озабоченность рядом положений документа. В частности, указ вводит существенные и неразумные ограничения на возможность входить в состав совета, а также устанавливает, что состав Общественного совета формируется и утверждается Министерством внутренних дел.

ГЛАВНАЯ ТЕМА

Доступ к правовой помощи vs эффективность

Справедливость судебного разбирательства: доступ, процедуры и содержательные аспекты

Мария СУЧКОВА, магистр международного права по специальности права человека

(Университет Эссекса, Великобритания), учредитель компании Threefold Legal Advisors (Москва)

Вопросы доступа к справедливому судебному разбирательству регулируются статьей 6 Конвенции о защите прав человека и основных свобод (далее – Конвенция). Действие этой статьи распространяется как на уголовные дела, так и на споры «о гражданских правах и обязанностях», рассматривающиеся, в частности, в порядке гражданского судопроизводства.

В отношении неуголовных дел в самом общем виде из практики Европейского Суда по правам человека (далее

– Суд, Европейский Суд или ЕСПЧ) следует, что разбирательство будет справедливым с точки зрения статьи 6 Конвенции, если человек или организация может обратиться в судебную инстанцию, разбирательство в которой отвечает весьма четко обозначенным принципам. Суд должен быть независимым и беспристрастным. Разбирательство в суде должно быть, по общему правилу, открытым¹. Кроме того, в ходе судебной процедуры должны соблюдаться принципы состязательности и равенства сторон². Частью «справедливости» в понимании ЕСПЧ является также соблюдение разумных сроков при вынесении окончательного решения³. Еще одним важным требованием к справедливому судебному разбирательству является выполнение властями обязательств принимать все необходимые меры для своевременного исполнения судебного решения⁴.

¹ Статья 6(1) Конвенции предусматривает, что «пресса и публика могут не допускаться на судебные заседания в течение всего процесса или его части по соображениям морали, общественного порядка или национальной безопасности в демократическом обществе, а также, когда того требуют интересы несовершеннолетних, или для защиты частной жизни сторон, или – в той мере, в какой это, по мнению суда, строго необходимо – при особых обстоятельствах, когда гласность нарушала бы интересы правосудия».

² См., например, Ларин против России (Larin v. Russia), жалоба № 15034/02, 20/05/2010.

³ Рябых против России (Ryabikh v. Russia), жалоба № 52854/99, 24/07/2003.

⁴ Бурдов против России (Burdov v. Russia), жалоба № 59498/00, 07/05/2002.

⁵ Например, доступ к суду в некоторых случаях может быть правомерно ограничен сроками исковой давности. См. Стаббингз и другие против Великобритании (Stubbings and others v. the United Kingdom), жалобы № 22083/93 и 22095/93, 20/10/1996.

⁶ Ашингдэйн против Великобритании (Ashingdane v. the United Kingdom), жалоба № 8225/78, 28/05/1985.

Важным вопросом в обеспечении полноценного участия человека в судебном разбирательстве является доступ к бесплатной юридической помощи

В отношении собственно доступа к суду Европейский Суд отмечал, что, хотя это право не является абсолютным⁵, любые его ограничения должны преследовать правомерную цель и любые предпринятые меры должны быть пропорциональны целям, которые преследуются⁶.

Таким образом, справедливое судебное разбирательство – это процесс, при котором у любого человека есть доступ к обращению в судебную инстанцию, и при этом имеет значение, каким образом обеспечено качество судебного разбирательства и исполнение судебных решений.

В тех случаях, когда у лица, в соответствии с нормами закона, есть доступ к суду, должна обеспечиваться практическая и эффективная реализация этого права⁷. В соответствии с позицией Суда это означает, что стороне в процессе должна быть обеспечена возможность полноценно представлять свое дело в суде и пользоваться гарантиями состязательного процесса⁸.

Важным вопросом в обеспечении полноценного участия человека в судебном разбирательстве является доступ к бесплатной юридической помощи. При оценке необходимости такой помощи Суд, среди прочего, исходит из важности интересов, которые могут быть затронуты исходом дела, сложности права и процедур, которые применяются в конкретном деле, и возможности заявителя эффективно представлять свои интересы самостоятельно⁹.

Кроме того, с точки зрения Суда, принцип практического и эффективного доступа к правосудию может быть нарушен, когда человек должен оплачивать чрезмерно высокие судебные пошлины. Например, пошлина может быть настолько высока, что человеку нет смысла идти в суд за разрешением своей проблемы, «цена» которой практически равна сумме пошлины¹⁰. Или же, если человек не может в силу своих финансовых возможностей оплатить судебную пошлину, доступ к правосудию для него также закрыт¹¹. В подобных ситуациях Суд может прийти к выводу, что у человека нет практического и эффективного доступа к правосудию и ограничение, наложенное на его право, гарантированное статьей 6, непропорционально.

Для обвиняемых по уголовным делам¹² в статье 6 Конвенции предусмотрены дополнительные гарантии справедливого суда, такие как презумпция невиновности, право своевременно получать информацию о характере и основании предъявленного обвинения, право на защиту (включая право на получение бесплатной помощи юриста, если обвиняемый не может оплатить его услуги), право допрашивать свидетелей обвинения¹³ (и в некоторых случаях право на вызов и допрос свидетелей защиты) и проч.

Тем не менее важно понимать, что статья 6 Конвенции предусматривает именно «процедурное» по своей сути право. Рассматривая жалобы на нарушение данной статьи, Суд должен убе-

Валерий Зорькин, председатель Конституционного Суда РФ, 3 февраля 2011 года

«Сложившееся еще в советский период жесткое регулирование сроков [рассмотрения дел судами] в законе сопровождается дисциплинарными санкциями по отношению к судьям за их нарушение. Соответственно, это порой вредит качеству рассмотрения дел и ставит судей в стрессовую ситуацию выбора между тщательным и всесторонним рассмотрением дела и соблюдением установленных законом сроков».

Когда у лица, в соответствии с нормами закона, есть доступ к суду, должна обеспечиваться практическая и эффективная реализация этого права

диться в соблюдении указанных в ней процедурных гарантий. А сами эти гарантии и являются теми «рамками» или правилами, соблюдение которых должно обеспечить справедливый характер

рассмотрения дела в суде. Суд, ограничивая себя оценкой «процедурной» стороны, соблюдает принцип subsidiarity. Данный принцип предполагает, что Суд не вправе пересматривать

⁷ См., например, *Безымянная против России (Bezmyannaya v. Russia)*, жалоба № 21851/03, 22/12/2009.

⁸ *Стил и Моррис против Великобритании (Steel and Morris v. the United Kingdom)*, жалоба № 68416/01, 15/02/2005.

⁹ *Эйри против Ирландии (Airey v. Ireland)*, жалоба № 6289/73, 09/10/1979.

¹⁰ *Станков против Болгарии (Stankov v. Bulgaria)*, жалоба № 68490/01, 12/07/2007.

¹¹ *Вейсман и другие против Румынии (Weissman and Others v. Romania)*, жалоба № 63945/00, 24/05/2006.

¹² В эту категорию попадают не только дела, являющиеся уголовными в соответствии с национальным правом, но и другие дела, которые предполагают такие серьезные последствия для заявителя, которые могут быть квалифицированы Судом в качестве «уголовного обвинения».

¹³ Статья 6(2-3) Конвенции.

Дмитрий Медведев, президент России

в интервью швейцарским СМИ, 19 сентября 2010 года.

«Надо развивать свою судебную систему, а не "накачивать" Страсбургский суд. Но если граждане сейчас считают для себя единственной возможностью обращаться в Страсбургский суд, то это их право».

решения национальных судов по существу, то есть исполнять роль «четвертой инстанции»¹⁴.

Однако зачастую на практике возможность лица получить справедливое решение спора (или справедливый приговор) не обеспечивается исключительно существованием и правильным функционированием набора судебных процедур и гарантий. Поэтому содержательные аспекты справедливого разрешения спора отчасти регулируются другими статьями Конвенции. Так, например, статьи 8–11 Конвенции (право на уважение частной и семейной жизни, свобода слова, свобода совести и религии и свобода собраний и объединений), предусматривают, что указанные права могут быть ограничены только на основании закона, что такое ограни-

чение должно преследовать правомерную цель и что меры, предпринятые властями, должны быть пропорциональны защищаемой цели, то есть должен быть соблюден баланс между правом человека и общественным интересом, который государство стремится защитить.

В своей практике по этим статьям Суд разработал такие принципы оценки спор-

¹⁴ Одна из немногих ситуаций, в которых Европейский Суд в рамках статьи 6 Конвенции рассматривает содержание решений национальных судов, касается оценки судами доказательств по уголовным делам, полученных в результате полицейской провокации (см. Ваньян против России (Vanyan v. Russia), жалоба № 53203/99, 15/03/2006), вмешательства в частную жизнь (Быков против России (Bykov v. Russia), жалоба № 4378/02, 21/01/2009) или показаний, полученных в результате применения насилия (Гладышев против России (Gladyshev v. Russia), жалоба № 2807/04). В гражданских делах Европейский Суд может прийти к выводу о нарушении статьи 6 Конвенции на основании содержания решений национальных судов в связи с полным отсутствием в таких решениях мотивировки и игнорированием судом доказательств, представленных заявителем, что делает решение произвольным (Хамидов против России (Khamidov v. Russia), жалоба № 72118/01, 15/11/2007).

¹⁵ См., например, Романенко и другие против России (Romanenko and Others v. Russia), жалоба № 11751/03, 8 октября 2009.

¹⁶ См., например, Сахин против Германии (Sahin v. Germany), жалоба № 30943/96, 08/07/2003.

ной ситуации, как, например, принцип максимальной свободы прессы в доведении до сведения читателей информации об общественно важных проблемах¹⁵ или принцип основополагающего значения интересов ребенка в спорах о порядке общения с родителями¹⁶, которыми национальные суды должны руководствоваться при разрешении соответствующих споров.

Таким образом, доступ к справедливому суду в рамках статьи 6 Конвенции понимается в более формализованном процедурном аспекте, а содержание судебного разбирательства на национальном уровне и его результаты могут стать предметом рассмотрения Европейского Суда в рамках других статей Конвенции.

Бесплатная юридическая помощь в России: карт-бланш регионам?

Дмитрий Шабельников, Институт «Право общественных интересов» (PILnet)

Когда в 2004 году Институт «Право общественных интересов» (PILnet) организовал одно из первых в России обсуждений, посвященных реформи-

рованию системы субсидируемой юридической помощи, эта тема не вызвала большого интереса. Минюст просто проигнорировал мероприятие; немногочисленные представители адвокатуры говорили, в основном, о своих давних традициях и современных практиках помощи обездоленным на безвозмездной основе (и одновременно жаловались на отсутствие государственного финансирования); НКО не считали обеспечение доступа к правосудию важной проблемой, отдавая приоритет другим направлениям правовой реформы.

И это неудивительно. До конца восьмидесятых годов сама идея о том, что государство должно платить юристам, чтобы они помогали гражданам решать повседневные (или более сложные) проблемы, показалась бы экзотической. Предполагалось, что патерналистское государство и так уже берет на себя заботы людей: для этого существовали комитеты партии, прокуратура, пресса. По остающимся немногочисленным

«техническим» вопросам помощь должны были оказывать адвокаты, причем в добровольно-принудительном порядке (то есть вопрос о том, чтобы оказываемую ими помощь оплачивало государство, вообще не поднимался). Похожим образом обстояли дела на тот момент не только в других странах бывшего Советского Союза, но и в большинстве стран Центральной и Восточной Европы.

В июне 2011 года президент Медведев внес в Госдуму законопроект «О бесплатной юридической помощи в Российской Федерации», претендующий на создание в России фактически нового института – системы юридической помощи по неуголовным делам для малоимущих и некоторых других социально уязвимых категорий граждан. Что же изменилось за эти несколько лет?

В 2005 году тогдашний министр юстиции Юрий Чайка посетил Финляндию, где, в частности, ознакомился с работой хорошо развитой службы, которая

оказывает субсидируемую государством юридическую помощь тем, кто в ней нуждается. Вернувшись, он предложил президенту и правительству попробовать создать аналог такой службы в России в экспериментальном порядке – так в десяти регионах появились государственные юридические бюро, скромное финансирование которых продлевалось с тех пор каждый год.

Параллельно развивались программы субсидируемой юридической помощи в некоторых регионах. Дело в том, что принятый еще раньше федеральный Закон «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации» предусматривает оказание бесплатной помощи малоимущим силами адвокатуры по нескольким вопросам (по большей части унаследованным с советских времен – таким как взыскание алиментов, возмещение вреда, причиненного смертью кормильца, и некоторым другим). Закон предусматривает, что порядок оказания такой помощи, как и порядок оплаты труда адвокатов, ее оказывающих, устанавливается регионами РФ. Поэтому многие регионы стали принимать собственные законы, призванные урегулировать эту сферу, а также предусматривающие финансирование соответствующих расходов из своего бюджета. В подавляющем большинстве случаев круг лиц, имеющих право на получение помощи, и категории дел, по которым такая помощь оказывается, определяются в них так же, как в Законе «Об адвокатуре».

Однако некоторые регионы решили существенно расширить и то и другое. Так, законодательство Санкт-Петербурга не только расширило перечень категорий дел, по которым оказывается помощь, но и повысило «потолок» дохода, до достижения которого гражданин считается малоимущим, до двух прожиточных минимумов (в Законе «Об адвокатуре», как и в большинстве региональных законов, эта величина составляет один прожиточный минимум). В Самарской области пошли еще дальше – помощь за счет областного бюджета оказывается малоимущим (определяемым в соответствии с федеральным законом), неработающим пенсионерам и некоторым другим лицам по любым неуголовным вопросам. Именно такой подход принят и государственными юридическими бюро, которые пока еще продолжают существовать в рамках запущенного Юрием Чайкой эксперимента.

Во всех без исключения регионах юридическую помощь, финансируемую региональными бюджетами, оказывают адвокаты (при организационном участии местных адвокатских палат). Надо отметить, что там, где перечень катего-

рий дел, по которым может оказываться помощь, и круг лиц, которым она может оказываться, остались такими же узкими, как в Законе «Об адвокатуре», даже небольшие выделяемые средства часто не расходуются, помощь оказывается крайне редко, и поэтому сам этот институт остается неразвитым. Однако в таких регионах, как Санкт-Петербург и Самарская область, организации, действующие в оказании юридической помощи (прежде всего адвокатские палаты и органы исполнительной власти и местного самоуправления), за несколько лет добились значительного прогресса в выстраивании на местном уровне системы оказания юридической

помощи. Так, в Санкт-Петербурге была налажена постоянная связь между адвокатской палатой и органами социальной защиты, что значительно снизило бюрократические издержки при определении уровня дохода как для граждан, так и для адвокатов. В Самарской области, где действует и региональная программа, и государственное юридическое бюро, с недавних пор работает пилотный колл-центр, созданный на базе аппарата Уполномоченного по правам человека: любой гражданин, нуждающийся в юридической помощи, может позвонить по специальному бесплатному номеру и получить разъяснения относительно того, имеет ли он право на получение такой помощи бесплатно, и если да, то куда именно ему лучше обратиться; если же проблема, которую необходимо разрешить, не сложная, то он может получить простую консультацию непосредственно в момент обращения. То же можно сказать и о государственных юридических бюро: за пять с половиной лет они накопили значительный опыт работы с малоимущими и другими социально уязвимыми гражданами и понимание специфического круга правовых проблем, возникающих в жизни этих людей.

В конце 2008 года президент Медведев, выступая на Всероссийском съезде судей, отметил: «Нужно, наконец, определиться: либо создать какие-то новые формы работы, новые формы помощи гражданам, для того чтобы они могли получить полноценный доступ к правосудию, либо распространить сеть [государственных юридических – Д.Ш.] бюро на всю территорию Российской Федерации». Вскоре Минюст начал, по поручению президента, работу над законопроектом, который первоначально назывался «О системе бесплатной

Там, где перечень категорий дел, по которым может оказываться помощь, и круг лиц, которым она может оказываться, остались такими же узкими, как в Законе «Об адвокатуре», даже небольшие средства, выделяемые регионами, часто не расходуются. Помощь оказывается крайне редко, и поэтому институт субсидируемой юридической помощи остается неразвитым

Человек, доход которого чуть выше прожиточного минимума, и не попадающий ни в одну из перечисленных групп, будет полностью лишен возможности получить какую-либо юридическую помощь бесплатно или по льготным расценкам

юридической помощи в Российской Федерации». Работа эта заняла довольно длительное время. По ее ходу Минюст дважды созывал расширенные совещания с участием, в том числе, экспертного сообщества и неправительственных организаций; как минимум дважды законопроект возвращался в министерство на доработку; крайне сложным оказался процесс его согласования с другими министерствами и ведомствами.

И вот законопроект в конце июня внесен президентом в Государственную думу. Его рассмотрение предварительно назначено на сентябрь. Согласно законопроекту, он должен вступить в силу уже с 1 января 2012 года, поэтому вероятность его быстрого принятия высока. Как же предлагается обеспечить доступ граждан к правосудию в России?

Начать хотелось бы с того, что федеральный центр, по сути, отказался

взять на себя обязательства, в том числе финансовые, по созданию системы субсидируемой юридической помощи. Эта сфера практически полностью передается в ведение субъектов Федерации. Федеральная власть оставила за собой лишь некоторые координационные и контрольные полномочия, а также разработку общей политики и методическое содействие регионам. Государственные юридические бюро, существующие сейчас в десяти регионах, передаются в ведение этих регионов; как и другие субъекты Федерации, они могут либо создавать такие бюро (или продолжить их поддержку), либо организовывать программу бесплатной юридической помощи силами адвокатуры.

Предусмотрены, правда, субсидии регионам на основах софинансирования; механизм их предоставления должен быть разработан правительством.

На мой взгляд, это одновременно и хорошая, и плохая новость – хорошая

Государственные юридические бюро

Ольга Шепелева,
юрист Института «Право общественных интересов» (PILnet)

В 2005 г. российское правительство приняло постановление «О проведении эксперимента по созданию государственной системы оказания бесплатной юридической помощи малоимущим гражданам». В рамках эксперимента в десяти российских регионах были созданы государственные юридические бюро. Бюро открылись в Волгоградской, Иркутской, Московской, Самарской, Свердловской, Магаданской, Томской и Ульяновской областях, а также в Республике Карелия и Чеченской Республике.

Бюро представляют собой федеральные государственные учреждения, чья деятельность финансируется из федерального бюджета и контролируется Министерством юстиции. В бюро на постоянной основе работает штат юристов. Обязательным условием для работы в бюро является наличие высшего юридического образования. Кроме штатных юристов бюро вправе привлекать к оказанию помощи адвокатов, хотя на практике это случается достаточно редко.

Сотрудники бюро ведут прием населения, дают устные и письменные консультации, составляют для граждан необходимые правовые документы, а в случае необходимости представляют интересы граждан в судах и иных государственных органах. Помощь бюро полностью бесплатна для граждан и оказывается по всем вопросам и делам, кроме уголовных.

Как правило, каждое региональное бюро имеет несколько подразделений, расположенных в разных населенных пунктах региона. Например, государственное юридическое бюро в Самарской области имеет две приемные для граждан в Самаре, а также подразделения в городах Жигулевск, Кинель, Отрадный и в селе Богатое. Подразделения бюро в Свердловской области находятся в Екатеринбурге, Нижнем Тагиле и Каменске-Уральском. В Республике Карелия сотрудники бюро ведут прием в городах Петрозаводск, Беломорск, Кемь, Сегежа и Сортавала, а также в поселках Чупа и Муезерский. Кроме того, юридические бюро практикуют такую форму работы, как выездные консультации. Это позволяет оказывать юридические услуги жителям там, где нет подразделений бюро.

Порядок оказания помощи определен федеральным правительством. Сейчас действует Положение об оказании бесплатной юридической помощи государственными юридическими бюро, утвержденное постановлением правительства от 25 декабря 2008 г. N 1029. Это положение, в частности, определяет, кто имеет право получить помощь в бюро.

К получателям помощи отнесены, во-первых, малоимущие граждане. Их доход не должен превышать прожиточного минимума, установленного в регионе. Малоимущие имеют право на получение любого вида юридических услуг: консультацию, помощь в составлении документов, представление интересов в суде и других госорганах. Для получения помощи малоимущие должны представить в бюро справку из органов социальной защиты о среднедушевом доходе семьи.

Во-вторых, в бюро вправе обратиться инвалиды I и II групп, ветераны Великой Отечественной войны и неработающие пенсионеры. Граждане, принадлежащие к этим категориям, могут получить в бюро устную консультацию. Для этого им не нужно представлять справку о доходе – достаточно лишь пенсионного или иного удостоверения. Другие виды услуг (составление документов, представление в суде) пенсионерам, ветеранам и инвалидам оказывается, только если их доход ниже прожиточного минимума, и они могут подтвердить это соответствующей справкой.

Законопроект «О бесплатной юридической помощи в Российской Федерации», недавно внесенный в Государственную думу президентом, предполагает изменение статуса госюрбюро. Согласно законопроекту, существующие бюро должны быть переданы в ведение региональных властей, которые будут нести ответственность за их финансирование. В тех регионах, где бюро нет, власти смогут их создать или пойти другим путем – например, организовать бесплатную юридическую помощь через привлечение адвокатов с последующей компенсацией им стоимости оказанных услуг. Принятие законопроекта также может привести к изменению круга получателей бесплатных юридических услуг и списка вопросов, по которым может быть оказана помощь.

Сейчас сильной стороной госюрбюро является их федеральное подчинение и финансирование. На практике это создает необходимый режим работы в случаях конфликтов граждан с региональными властями. Например, в ситуациях, когда восстановление прав заявителей требует судебных разбирательств с региональными государственными структурами. Кроме того, фиксированная оплата труда вместо гонорарной или почасовой схемы позволяет специалистам юрбюро заниматься сложными делами, которые отнимают много времени и где правовое решение неочевидно.

Перевод юрбюро на региональный уровень может в значительной степени изменить практики работы бюро, но сейчас прогнозировать их развитие затруднительно.

для тех регионов, где есть опыт, деньги и желание развивать систему субсидируемой юридической помощи, так как они получают определенную свободу в этом отношении; плохая – для регионов, где ничего этого нет (а таких регионов немало), так как опыт показывает, что даже при возможности получать субсидии перспективы появления там эффективных программ оказания юридической помощи туманны.

При этом законопроект устанавливает ряд ограничений, касающихся круга лиц, имеющих право на получение юридической помощи, и категорий дел, по которым она может оказываться. Законопроект включает в число получателей помощи три основные группы. Первая группа – самые бедные, чей доход не превышает прожиточного минимума. Вторая группа – это те граждане, которых можно назвать наиболее уязвимыми. Например, инвалиды I и II групп, недееспособные, несовершеннолетние, оставшиеся без попечения родителей или содержащиеся в учреждениях системы профилактики безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних. В третью группу входят люди, имеющие заслуги перед обществом, – ветераны Великой Отечественной войны, Герои Российской Федерации, Герои Советского Союза и Герои Социалистического Труда. Все эти люди, безусловно, нуждаются в бесплатной юридической помощи. Однако применение этого исчерпывающего перечня означает, что человек, доход которого чуть выше прожиточного минимума, и не попадающий ни в одну из перечисленных групп, будет полностью лишен возможности получить какую-либо юридическую помощь бесплатно или по льготным расценкам.

Законопроект предлагает оказывать помощь только по вопросам недвижимости и жилищно-коммунальных услуг, получения социальных пособий и льгот, трудовых и семейных отношений. Причем законопроект дополнительно ограничивает возможности получить помощь, вводя спецификации внутри каждого типа проблем. Например, по спо-

Федеральный центр, по сути, отказался взять на себя обязательства, в том числе финансовые, по созданию системы субсидируемой юридической помощи. Эта сфера практически полностью передается в ведение субъектов Федерации

рам о праве на недвижимость помощь может быть оказана не во всех случаях, а только если спор касается единственного места жительства гражданина и его семьи. Помощь по семейным делам ограничивается установлением отцовства и взысканием алиментов. Это означает, что даже малоимущий, имеющий право на получение бесплатных юридических услуг, их не получит, если его проблема связана, например, с медицинской помощью или любым иным вопросом, не попавшим в список.

Несмотря на то что законопроект предусматривает возможность для регионов «устанавливать дополнительные гарантии реализации права граждан на получение бесплатной юридической помощи», эта норма сформулирована слишком общо, что на практике может приводить к ее ограничительным толкованиям.

Законопроект признает в качестве участников «негосударственной системы бесплатной юридической помощи» юридические клиники вузов, а также центры правовой помощи, создаваемые общественными объединениями и гражданами. Негосударственные провайдеры юридической помощи сами изыскивают средства для работы и вправе сами опре-

делять, кому и в каких ситуациях они будут оказывать юридические услуги бесплатно. Однако на эти организации и их сотрудников налагаются определенные ограничения: например, юридические клиники не могут представлять интересы граждан в судах, а в центрах правовой помощи оказывать юридическую помощь могут только лица, имеющие высшее юридическое образование. Учитывая, что к лицам, желающим оказывать юридическую помощь на коммерческой основе, аналогичных требований в настоящее время не предъявляется, введение таких ограничений может лишь сделать бесплатную юридическую помощь менее доступной.

Сама разработка и будущее принятие первого в истории России закона, закладывающего основы для закрепления в стране института субсидируемой государством юридической помощи, – это, безусловно, шаг вперед. То, что в государственном бюджете не удалось найти достаточных средств для создания системы оказания такой помощи на общенациональном уровне, можно понять в контексте текущей экономической ситуации. По-настоящему меня беспокоит одно: если в законопроект не будут внесены изменения, касающиеся ключевых проблем, кратко обозначенных выше, его принятие не только не приведет к появлению новой системы или хотя бы новых программ субсидируемой юридической помощи в регионах, но и может препятствовать дальнейшему развитию тех инициатив, которые появились за последние годы благодаря самым разным акторам: региональным властям, государственным юридическим бюро, адвокатуре, юридическим клиникам и некоммерческим организациям.

С более подробной экспертизой законопроекта «О бесплатной юридической помощи в Российской Федерации», а также другими материалами по данной проблематике можно ознакомиться на сайте Института «Право общественных интересов» (PILnet): www.pilnet.ru.

Институт «Право общественных интересов» (PILnet) – международная некоммерческая неправительственная организация, чья деятельность направлена на создание механизмов, расширяющих доступ к правосудию и усиливающих социальный эффект правовых институтов. Филиалы PILnet созданы и работают в России, Венгрии, Китае, США.

Основными направлениями деятельности PILnet является поддержка программ бесплатной юридической помощи и правового просвещения, развитие культуры pro bono в юридическом сообществе, а также совершенствование системы юридического образования. Программы

PILnet в сфере юридического образования направлены на создание условий для подготовки социально ориентированных и эффективных юристов. В частности, PILnet содействует международному обмену экспертизой в сфере высшего юридического образования, оказывает поддержку в создании и развитии юридических клиник в учебных заведениях Сербии, Польши и Румынии, а также помощь в разработке новых образовательных методик и программ юридического образования в университетах Армении, Грузии, Кыргызстана, Молдовы и Украины.

PILnet в России предоставляет консультативную поддержку инициативам

органов власти и адвокатского сообщества по созданию программ бесплатной юридической помощи. Основными партнерами PILnet в этой работе являются Федеральная палата адвокатов Российской Федерации и палаты адвокатов ряда регионов, а также Министерство юстиции Российской Федерации. В рамках программы развития pro bono российский филиал PILnet создал координационный центр юридической помощи pro bono, посредством которого российские и иностранные юридические фирмы оказывают правовую поддержку различным социально значимым благотворительным проектам и инициативам.

Где провести границы правовой помощи?

Ксения Браиловская, Институт «Право общественных интересов» (PILnet)

Когда люди сталкиваются с какой-то проблемой, они, если ситуация позволяет, начинают думать, как ее решить. Либо же, не особенно задумываясь, начинают что-то предпринимать, а иногда не делают ничего. Если они все же прикладывают какие-то усилия для решения проблемы, то либо удачно, либо нет.

От чего может зависеть их успех?

Прежде всего, от собственных возможностей и от возможности воспользоваться какой-то помощью. Но если речь идет о том, чтобы решить проблему с помощью правовых инструментов, то здесь возникают очевидные трудности. Для многих правовые инструменты непривычны и требуют специальных навыков для их адекватного применения.

Умение сформулировать проблему, перевод бытовой проблемы на язык права, понимание работы правовой системы и процесса решения проблемы в правовом поле, выбор стратегии решения – это лишь несколько условий, без которых трудно добиться результата, если проблема решается с помощью права.

Есть два способа решить проблему правовыми инструментами: можно самому научиться ими пользоваться или же обратиться к компетентному специалисту. Но даже это не гарантирует положительного результата. Границы правовой помощи и границы решения проблемы, с которой столкнулся человек, далеко не всегда совпадают. Так получается потому, что окончательное решение проблемы зависит от собственных

возможностей человека, возможностей получить помощь специалиста, степени отлаженности правовых механизмов, и возможности использовать дополнительные средства.

Ниже трудности решения проблем описаны через реальные истории, в которых люди пытаются с большим или меньшим успехом пользоваться правовыми инструментами.

Если человек может сформулировать проблему, это не значит, что он может ее решить.

Юля¹ недавно вышла из колонии. Собственного жилья и регистрации нет. Когда она находилась в исправительном учреждении, ее сняли с регистрации, а дом был продан. Вскоре Юля узнает, что беременна. Теперь ей необходимо пользоваться государственными сервисами и получать пособие на ребенка, чего нельзя сделать без регистрации. Юля обращается в государственную структуру, где ей помогают сделать временную регистрацию. Но она с ребенком все еще живет в социальном приюте. Для того чтобы заниматься восстановлением прав на жилье, нужно тратить много времени для получения и оформления документов и иметь возможность передвигаться. А Юля не может оставлять ребенка одного, ему всего лишь несколько месяцев. Решить проблему собственными силами ей очень трудно.

Человек может разобраться в причинах своей проблемы и понять, что нужно сделать в правовом поле. Но понимание того, что нужно делать, не приближает человека к решению.

Для человека может быть неочевидно, что проблема решается с помощью правовых инструментов

Алексей после серьезной автомобильной аварии стал инвалидом. Ему нужны деньги на лечение. К тому же незадолго до аварии у них с женой родился ребенок. Человек, который вел машину, обещает, что он оплатит лечение Алексея. Договариваются, что пострадавший возьмет кредит в банке, а тот будет его оплачивать. Алексей берет кредит, но ви-

новник аварии нарушает обещание и не выплачивает деньги. Алексей пытается действовать сам, через друзей, но ничего не получается. Затем обращается к местным «авторитетам» с просьбой «нажать» на виновника аварии, но те отказываются это делать. Поскольку понятные ему средства не срабатывают, а бабушка и жена уже давно говорят, что нужно идти в суд, он решает попробовать. Он узнает о возможности бесплатно получить юридическую помощь и использует ее. Юрист помогает через суд взыскать сумму, которая покрывает большую часть расходов, потраченных на лечение после аварии. Но из-за аварии возникло много других проблем. Трудно оформить инвалидность, поскольку у него плохие отношения с главой местной медкомиссии. Из-за этого возникают трудности с работой: физическое состояние Алексея не позволяет работать в прежнем режиме, а для специального режима нужна справка об инвалидности. Но за помощью по этой проблеме он обратился спустя значительное время после обращения по проблеме с оплатой лечения.

Даже имея положительный опыт разрешения ситуации с использованием правовых механизмов, человек не понимает, что он может решить еще одну проблему таким же способом. Положительный опыт обращения к юристам не помогает ему воспользоваться их помощью вовремя.

Если человек понимает, что его проблема решается правовым способом, то процесс и техника использования правовых инструментов для него могут быть непонятны, а результаты неожиданны и нежелательны

Три ученицы играли во время перемен в школе, в результате неловких движений двух из них у третьей девочки оказался сломанным нос. Катя – мама одной из девочек. Через некоторое время она узнала, что мама пострадавшей девочки – адвокат – подала на нее в суд. Катя испытывает сильный стресс, она не может ничего противопоставить матери пострадавшей. Она должна защищать себя и дочь в суде, но не понимает, как это делать: никогда не планировала этим

¹ Здесь и далее имена изменены.

Георгий Матюшкин Уполномоченный Российской Федерации при Европейском Суде по правам человека – заместитель Министра юстиции Российской Федерации

12 ноября 2010 г. на заседании координационного совета
ГУ Министерства Юстиции РФ Нижегородской области
по вопросам получения бесплатной юридической помощи

«Бесплатная юридическая помощь является одним из основополагающих аспектов международного и российского права, обеспечивающих доступ каждого человека к правосудию. Работа по оказанию такой помощи пока не носит системный характер и не обеспечивает в полном объеме гарантий получения помощи всем нуждающимся гражданами».

заниматься, нужных знаний и навыков у Кати нет. Она обращается к юристу, тот выступает на ее стороне в суде. Суд неожиданно выносит постановление против школы. Это невыгодно обеим женщинам, поскольку в результате постановления суда появилась вероятность возникновения конфликта родителей со школой.

Правовые механизмы создали всем участникам конфликта дополнительные проблемы, а сам конфликт остался неразрешенным.

Если человек понимает, что сумеет использовать правовые инструменты, это не означает, что они окажутся действенными для решения проблем

Елена Васильевна 10 лет боится жить в своей квартире. Некоторое время назад она развелась с мужем, решением суда двухкомнатная квартира была поделена между ней, ее мужем и дочерью. Бывший муж и дочь не хотят размени-

вать квартиру и разъезжаться, и не хотят, чтобы Елена Васильевна жила в этой квартире. Дочь избивает ее и выгоняет из квартиры. Елена Васильевна живет у знакомых, родственников, на работе. Она обращается в милицию, выигрывает два процесса в суде, но вселиться все равно не может – постановление суда не исполняется. Жалобы в прокуратуру не помогают, по ее заявлениям о насилии уголовные дела возбуждаются, но не расследуются. Елена Васильевна обращается во все инстанции, включая региональные правоохранительные органы, общественные структуры, губернатора области и Президента РФ. В ответ в прокуратуру приходит распоряжение проследить за работой судебных приставов по исполнению решений суда. Но даже если Елена Васильевна с помощью судебных приставов вселится в квартиру, это не значит, что она сможет там жить. Пока милиция игнорирует ее заявления о домашнем насилии, судебные приставы работают больше формально, а прокуратура обязуется следить за работой судебных приставов только по указанию Президента РФ, у ее родственников не будет «внешних» стимулов для того, чтобы совместно решать проблему. А добровольно они не делают этого уже 10 лет.

Правоохранители, общественные деятели, юристы, административные государственные органы не решают проблему, несмотря на то что ситуация уже давно требует вмешательства как минимум государственных структур. Те очевидные правовые действия, которые предпринимаются, не помогают человеку вернуть себе жилище.

«Оценка потребностей граждан в доступе к правовой помощи»

– исследование, которое с 2010 года проводится Институтом «Право общественных интересов». Исследование проходит в двух пилотных регионах – Свердловской и Самарской областях. Основная цель исследования, как следует из названия, – изучить потребности граждан в юридической помощи. Такое изучение предполагает выявление как самих потребностей, так и того, какие проблемы стоят за высказываемыми гражданами потребностями в получении юридической помощи. Кроме того, в числе задач исследования – оценка того, в какой степени эти потребности могут быть удовлетворены в рамках программ юридической помощи. Результаты исследования могут послужить хорошей основой для развития программ бесплатной юридической помощи, повышения качества этих программ и ориентированности на реальные потребности граждан.

В исследовании изучается опыт людей, которые столкнулись с серьезной проблемой. Фокус делается на личных

историях (кейсах) преодоления сложных ситуаций, опыте обращения за юридической помощью, на том, как граждане оценивают необходимость профессиональной помощи, на качестве той помощи, которую они получили, и пр. В исследовании также изучаются истории (кейсы) людей, которые столкнулись с серьезной для них проблемой, но не стали обращаться за юридической помощью. Важно изучить и понять, почему в одних ситуациях люди обращаются за юридической помощью, в других – нет. Исследование имеет качественный характер, что подразумевает углубленное изучение проблемы и использование гибких социологических методов изучения. Основным методом изучения является неформализованный опрос: при работе с гражданами применяется техника глубинного интервью, при работе с экспертами – техника экспертного опроса.

Завершающим этапом исследования явился массовый опрос жителей Свердловской области. Опрос позволяет оценить типичные ситуации, которые вынуж-

дают людей искать правовые решения или отказываться от них, а также типичные практики решения проблем. Кроме того, опрос ориентирован на то, чтобы оценить, в какой степени сами граждане готовы участвовать в решении своей проблемы с помощью юридических методов, что люди готовы делать самостоятельно, что – доверять «помощникам» (юристам, адвокатам, административным властям).

Для исследования очень важно сравнивать оценки людей, которые обращались за помощью, и тех, кто не обращался. Кроме того, важно сравнивать опыт людей, которые обращались за разными видами помощи и к разным «поставщикам» такой помощи. Такое сравнение позволяет лучше понять пробелы и достижения тех программ бесплатной юридической помощи, которые действуют в регионах России.

По результатам исследования Институт «Право общественных интересов» опубликует книгу, в которой будут представлены результаты анализа как кейсов, так и массового опроса.

Правовая сфера не должна «работать на себя», исходя из целей и задач, не связанных с действительными потребностями людей. Тем более – в случае острых ситуаций, в результате которых жизнь людей может измениться в худшую сторону. Необходимо, чтобы дистанция между этими реальностями сокращалась

Если человек умеет использовать правовые инструменты, это не значит, что их использование изменит ситуацию, создающую проблемы

Наталья Ивановна 17 лет работала директором Дома культуры в небольшом городке. У нее возник конфликт с местной администрацией из-за здания ДК. В результате конфликта директор была уволена за якобы нецелевое использование средств. Поскольку статья, по которой она была уволена, предусматривает уголовное наказание, появилась перспектива дальнейшего уголовного преследования. Наталья Ивановна смогла в судебном порядке опротестовать увольнение и опровергнуть обвинения в нецелевом использовании средств. Однако на следующий день после восстановления в должности была уволена по другому пункту этой же статьи. Воспользовавшись правовыми механизмами, она смогла избежать уголовного преследования. Однако из-за конфликта с администрацией она лишилась и работы, и возможности устроиться по специальности в своем городе в бюджетной сфере, поскольку потенциальным работодателям местная администрация запрещает брать ее на работу.

Воспользовавшись правовыми механизмами, женщина смогла защититься от самых негативных последствий конфликта с администрацией. Но правовое решение не спасло ее от неофициального давления со стороны местных властей.

Правовая проблема может не иметь отработанных, понятных и действенных правовых механизмов ее решения

В Краснодарском крае 25 фермеров решили выделить свои земельные участки, находящиеся на территории сельскохозяйственного кооператива (бывшего колхоза), для того чтобы стать их законными владельцами и самостоятельно производить сельхозпродукты. Оформив в соответствии с законами права собственности и уведолив владельца сельхозкооператива о своих намерениях в положенный срок, фермеры взяли кредиты, закупили посевной материал, оборудование, распахали осенью зем-

лю. Весной лишь двое из них успели посеять картошку, после чего владелец кооператива перегородил дорогу, выставил охрану и не пускает никого к земле. Он готов пустить фермеров на следующих условиях: 90 тысяч рублей в год за пользование дорогами для проезда к их землям и 320 тысяч рублей в год за пользование землей. Деньги за дорогу владелец требует на том основании, что дороги он оформил в собственность по решению краевого суда, а за пользование землей – потому, что считает себя собственником. Несмотря на то что прокуратура признала правоту фермеров в этой ситуации, единственное наказание для владельца сельхозкооператива – штраф в 10 тысяч рублей. В судебных механизмы фермеры больше не верят, поскольку, исходя из собственного опыта, считают, что районный и краевой суды выносят решение в пользу крупных собственников. Местные юристы боятся им помогать. Кроме того, суд может длиться годами, тогда как для фермеров вопрос скорейшего доступа к земле – это вопрос получения средств к существованию. Если они не получают урожай в этом году, то им будет не на что жить, отдавать кредиты и готовиться к сельскохозяйственным работам на следующем.

Несмотря на официальное признание законности их действий и незаконности действий оппонентов, фермеры не могут решить проблему с доступом к своей земле. Решение, которого смогли добиться люди, воспользовавшись, как они полагали, наиболее эффективными для их ситуации правовыми механизмами, неадекватно для существа конфликта и для масштабов их ущерба. Правовые инструменты формально решают проблему, но, по сути, игнорируют реальную ситуацию.

Из этих историй можно сделать много выводов. Например, о недостаточности или неэффективности в отдельных случаях использования правовых инструментов. Или о необходимости в каждом из описанных случаев привлекать дополнительных специалистов – психологов, журналистов, специалистов других госслужб и пр. Но для выводов об организации бесплатной (субсидируемой) юридической помощи можно сформу-

лировать несколько простых принципов, требующих определенного понимания и усилий в реализации.

Реальность тех трудностей, с которыми сталкиваются люди, гораздо сложнее, чем правовая реальность. Их проблемы, как правило, начинаются до того, как попадают в правовое поле, и не всегда заканчиваются успешным использованием правовых инструментов.

Справедливое для людей решение проблемы не равно успешному использованию правовых механизмов. Зачастую официальные решения безупречны с точки зрения применения норм. Но при этом они как будто существуют в реальности, которая имеет мало отношения к проблеме.

Поэтому помощь, которую человек может получить в сервисе правовой помощи, будет сильно зависеть от возможностей, которые смогут предоставить специалисты – провайдеры юридической помощи.

Практика показывает, что для людей, которые по разным причинам не могут самостоятельно справиться с возникшими трудностями и для которых создаются специальные сервисы правовой помощи, обычные «типовые» юридические услуги недостаточны. Чем больше возможностей будет включать в себя сервис, тем больше вероятность того, что человек решит свою проблему, даже если обращение к праву – лишь один из этапов решения проблемы.

Правовая сфера не должна «работать на себя», исходя из целей и задач, не связанных с действительными потребностями людей. Тем более – в случае острых ситуаций, в результате которых жизнь человека может измениться в худшую сторону. Необходимо, чтобы дистанция между этими реальностями сокращалась.

Один из способов – расширение границ экспертной правовой помощи в зависимости от проблем каждого конкретного случая. Но для этого эксперту придется использовать право как один из инструментов ее улучшения, а не как единственно возможный.

Работа специалистов этих сервисов должна выстраиваться таким образом, чтобы наилучшим способом решить проблему человека, который к ним обратился. Если наилучший способ достигается за счет обращения к другим специалистам и организациям, то специалисты сервисов правовой помощи должны уметь сформулировать и предложить клиенту такой способ, сказать ему, как и куда ему нужно обратиться, посодействовать в этом. Специалисты таких сервисов должны уметь создавать стратегии решения проблем клиентов, комбинируя правовые и различные другие инструменты.

Доступ к правосудию для жертв пыток:

еще один пример, когда НПО восполняет неэффективность государства

Наталья Таубина, Фонд «Общественный вердикт»

Пытки и жестокое обращение в терминологии российского законодательства – это должностное преступление. При этом, как правило, пытка трактуется как превышение должностных полномочий с применением насилия (часть 3 статьи 286 Уголовного кодекса РФ). Отметим, что такое правоприменение исключает понимание пыток и жестокого обращения, не связанных с физическим насилием (см., например, дело Осиповой, о котором рассказывается в этом номере бюллетеня). Соответственно, у нас потерпевший от пыток и жестокого обращения – это, как правило, потерпевший от незаконного физического насилия – должностного преступления.

Потерпевший получает процессуальный статус и, как следствие, набор возможностей для участия в уголовном судопроизводстве только после того, как государство признает его таковым в соответствии с Уголовно-процессуальным кодексом (УПК). Права, которые получает потерпевший, по идее должны обеспечивать ему доступ к расследованию. Без такого доступа потерпевший теряет возможность эффективно защищаться или восстанавливать свои права.

Что это за права? В частности, на этапе официального расследования потерпевший может давать показания, отказываться свидетельствовать против себя и близких родственников, представлять

доказательства, заявлять ходатайства и отводы, иметь представителя. С разрешения следователя потерпевший может участвовать в тех следственных действиях, которые проводятся по его (или его представителя) ходатайству, знакомиться с протоколами этих следственных действий, с экспертизами, по окончании расследования знакомиться со всеми материалами уголовного дела, получать копии постановлений. Когда дело доходит до суда, потерпевший может участвовать в судебном разбирательстве, знакомиться с протоколами заседаний и подавать на них замечания, получать копии приговора суда. В случае несогласия с действиями следователя, прокурора и судьи потерпевший может их обжаловать. Он может также обжаловать приговор, определение, постановление суда. Крайне важным – особенно в случае пыток и жестокого обращения – является право потерпевшего ходатайствовать о мерах безопасности.

Считается, что на стороне потерпевшего вся государственная машина в лице таких серьезных правоохрани-

тельных структур, как Следственный комитет и Прокуратура. Видимо, в связи с этим государство не предусматривает для потерпевшего каких-то специальных возможностей в доступе к юридической помощи. Например, у потерпевшего нет права на адвоката по назначению. Потерпевший также не может обратиться к помощи государственных юридических бюро – даже если он попадает в «группы помощи», которым по закону должны помогать госюрбюро (малоимущий, инвалид, ветеран или пенсионер). Услуги этих бюро для него не актуальны в случае попыток добиться справедливости после пыток и жестокого обращения, т.к. бюро работают только по гражданским делам (согласно Положению об оказании бесплатной юридической помощи государственными юридическими бюро от 15 января 2009 г.). Кстати, ситуация с юридической помощью от государства не улучшится и после принятия закона о бесплатной юридической помощи, если он будет принят в нынешней редакции. Третья статья законопроекта говорит, что отношения, связанные с оказанием бесплатной юридической помощи в уголовном судопроизводстве, регулируются уголовно-процессуальным законодательством. Иначе говоря, доступ к правовой помощи гарантируется правоохранительными органами.

Уязвимое положение заявителя осложняется еще и тем, что все те права, о которых сказано выше, у него появляются только после возбуждения уголовного дела. Это вроде бы логично, но только в том случае, если дело возбуждается сразу после обращения заявителя. В случае с нашей страной все, как обычно, сложнее. У нас расследование уголовных дел, а значит, и должностных преступлений, делится на две стадии: доследственная проверка, по результатам которой принимается решение – возбуждать уголовное дело или нет, и предварительное расследование, уже после возбуждения уголовного дела.

На этапе проверки потерпевший – лишь заявитель, и имеет право только на подачу заявления – сообщения о престу-

Считается, что на стороне потерпевшего вся государственная машина в лице таких серьезных правоохранительных структур, как Следственный комитет и Прокуратура. Видимо, в связи с этим государство не предусматривает для потерпевшего каких-то специальных возможностей в доступе к юридической помощи

плении, на уведомление о результатах рассмотрения заявления. Он может также обжаловать действия или решения следователя. А вот, например, право на доступ к материалам проверки в УПК не регламентировано. На практике это приводит к тому, что не всегда человеку, сообщаящему о применении к нему пыток и жестокого обращения, дают возможность ознакомиться с проверочными материалами. Но даже если это и происходит, то далеко не всегда разрешают сделать копии. А это – например, в ситуации отказа в возбуждении уголовного дела – неминуемо влияет на возможности и качество обжалования этого отказа и в целом на эффективность дальнейших попыток восстановить свои права.

При такой нечеткой регламентации прав и отсутствии возможности получить процессуальный статус с момента сообщения о преступлении (а ведь именно в первые дни, а порой и часы, делается вся основная следственная работа) резко возрастает необходимость юридических знаний у пострадавшего или как минимум возможность получить профессиональную консультацию и помощь. Причем по довольно узкопрофильным вопросам права, где важно не только знание норм, но знание сложившейся практики, работающих технологий.

На сегодня у жертвы пыток имеются только следующие возможности доступа к юридической помощи:

- следователь следственного комитета или прокурор;
- адвокат или нанятый жертвой представитель;
- правозащитная организация, которая берется за представление интересов жертвы.

В нашей стране пока не сложилась традиция, в рамках которой следователи или прокуроры рассматривали ли бы жертву пыток и как человека, которому нужна правовая помощь. В глазах правоохранителей он, в первую очередь, – заявитель и носитель информации. Взаимодействие заявителя и следователя, как правило, строится по формальному признаку – следователь задает ряд вопросов, пытаясь получить максимум значимой информации по заявлению, и озвучивает стандартный набор положений, регулирующих права заявителя, а также порядок работы с заявлением. Возможности получить именно правовую помощь (консультацию) в следствии близки к нулю. В крайне редких случаях следователь может посоветовать заявителю предпринять то или иное действие, которое поможет дополнить заявление о преступлении значимой информацией.

Наоборот, намного чаще случаются ситуации, когда заявитель в своем обращении сообщает информацию, которая в ходе проверки не изучается и ей не дается оценка. По результатам проверки следователь выносит постановление об

Тамара Морщакова, в 1991—2002 — судья Конституционного суда Российской Федерации.

«Безграничную власть следователей давно пора урезать. Она не ограничивается ни медицинскими, ни правовыми положениями, что, зачастую, ведет к печальным исходам».

отказе в возбуждении уголовного дела, знакомит заявителя с этим документом и сообщает, что постановление может быть обжаловано. И вот здесь потребность в правовой помощи у заявителя возрастает еще выше, и следователь ему тут не помощник. Прокурор или судья тоже не помощники в процессе подготовки жалобы – они не будут консультировать на предмет, как лучше и грамотнее обжаловать отказное постановление следователя, на что указать и на что обратить внимание в жалобе. Свою роль они видят в том, чтобы рассмотреть поступившую к ним жалобу и вынести законное решение.

В нашей стране пока не сложилась традиция, в рамках которой следователи или прокуроры рассматривали ли бы жертву пыток и как человека, которому нужна правовая помощь. В глазах правоохранителей он, в первую очередь, – заявитель и носитель информации

Таким образом, заявителю остается либо нанять адвоката, либо обратиться в профильную правозащитную организацию.

Адвокаты, которые специализируются на представлении интересов пострадавших от должностных преступлений (и еще уже – пострадавших от пыток и жестокого обращения), – это большая редкость в нашей стране. Как правило, большинство из них активно и постоянно сотрудничают с правозащитниками. Получается, что правозащитные НПО – это чуть ли не единственное место, где потерпевший от пыток может получить эффективную профессиональную правовую помощь в восстановлении своих прав.

Для правозащитных организаций оказание правовой помощи – правовое консультирование – традиционное направление работы. В конце 80-х – начале 90-х годов широко распространились общественные приемные при правозащитных организациях. Любой пострадавший от нарушений мог обратиться в эти приемные и получить юридическую консультацию, совет, как и что делать дальше. В ряде случаев от лица организаций по делу пострадавшего направлялся запрос в соответствующие государственные органы.

Хорошо помню ежедневные очереди людей в приемную, которая работала в Московском (сейчас уже Российском) исследовательском центре по правам человека в Лучниковом переулке в Москве. По опыту консультаций того периода, большинство случаев – это были нарушения социальных гарантий и прав. Частыми были и жалобы на условия содержания в местах принудительного содержания, особенно часто это касалось переполненности камер, антисанитарии. Но встречались и случаи незаконного насилие со стороны правоохранительных органов. В этих случаях юристы приемных тоже консультировали, направляли запросы в прокуратуру (тогда расследованием этой категории преступлений занимались следователи в прокуратуре), но крайне редко сопровождали дела и/или выступали представителем потерпевшего на всех этапах расследования и судебного разбирательства.

Постепенно ситуация стала меняться. В конце 90-х годов чаще стали появляться случаи, когда по обращениям граждан правозащитная организация брала дело в производство, вела всю юридическую работу на всех этапах – расследование, суд, гражданский иск. Постепенно накапливалась практика, опыт, технологии, понимание временных, человеческих и финансовых затрат на ведение каждого дела. Организации стали искать целевое финансирование именно этой деятельности.

По мнению многих экспертов, началом нового этапа можно считать дело Михеева, по которому нижегородские правозащитники работают с 1999 года. Коротко суть дела. Михеев был задержан по подозрению в изнасиловании и убийстве девушки, в ходе допросов к

Прокурор или судья тоже не помощники в процессе подготовки жалобы – они не будут консультировать на предмет, как лучше и грамотнее обжаловать отказное постановление следователя, на что указать и на что обратить внимание в жалобе

нему применялись пытки, и он был вынужден подписать «явку с повинной», после чего выпрыгнул из окна отделения милиции, получив при падении ряд тяжелых травм. Девушка на следующий день вернулась домой, живая и невредимая. Это дело показательно во всех отношениях – из работы по нему, по сути, вырос Комитет против пыток, на сегодня одна из самых известных и профессиональных организаций, специализирующихся на защите прав пострадавших от пыток и жестокого обращения. В работе по этому делу зародилась методика общественных расследований, которую сегодня весьма эффективно используют около полутора десятков правозащитных организаций. Кроме того, методика получила распространение и за пределами России – в частности, в Армении, Киргизии.

По делу Михеева довольно ясно видно, в какой степени и насколько эффективно государство стоит на стороне потерпевшего. В российской прокуратуре дело расследовалось семь лет, за это время различные органы прокуратуры неоднократно выносили незаконные постановления по делу: три раза – об отказе в возбуждении уголовного дела, три раза – о приостановлении уголовного дела и 20 раз – о прекращении уголовного дела. Все эти 26 постановлений были отменены как незаконные и необоснованные по жалобам Михеева и его представителей. И только после начала рассмотрения жалобы в Европейском Суде по правам человека «лед тронулся» в ходе расследования на национальном уровне.

Надо отметить, что дело Михеева – вовсе не исключение. Подобные дела, и не в единичном количестве, есть в каждой правозащитной организации, которая ведет такую работу. Например, в производстве Фонда «Общественный вердикт» таких дел не один десяток. И что самое печальное, ситуация с качеством расследования практически не изменилась за это десятилетие.

Опыт семи с половиной лет работы «Общественного вердикта» убедительно говорит о том, что для эффективной помощи пострадавшим от пыток и жестокого обращения требуются высококвалифицированные специалисты – юристы, медики, психологи, пиарщики, а также весьма существенные для некоммерческой организации средства. И все эти ресурсы, по сути, нужны для того, чтобы заставить государственные органы эффективно и должным образом делать то, что им предписано и так делать по закону.

В первое десятилетие 21-го века правозащитники накапливали опыт правовой помощи пострадавшим от пыток и жестокого обращения, рос профессионализм, постоянно происходил обмен успешными технологиями защиты, обсуждения трудностей. Не в последнюю очередь благодаря именно этому в ряде дел удавалось заставить следствие работать качественно, и дела стали поступать в суд более обоснованными и подготовленными, приговоры стали более адекватными, чаще наказания для виновных в пытках стали хотя бы сопоставимы с наказаниями для виновных в общеуголовных преступлениях. Раньше ситуация была такова, что виновные в общеуголовном преступлении, где травмы так же тяжелы, как и травмы после пыток, наказывались судом строже, чем виновные в пытках. И при этом, как правило, виновный в общеуголовном преступлении получал реальный срок, а виновный в пытке – условный. Это было время, когда сам факт привлечения к уголовной ответственности сотрудника милиции воспринимался как прорыв. Постепенно стали расти суммы, присуждаемые судом в качестве компенсации морального и материального вреда за пытки и жестокое обращение.

За эти годы в производстве правозащитных организаций оказалось более 1000 дел о пытках и жестоком обращении, во многом благодаря усилиям правозащитников удалось добиться привлечения к ответственности и осуждения около 300 сотрудников правоохранительных органов. Только по этим делам государство выплатило компенсации потерпевшим от пыток суммарно в несколько десятков миллионов рублей. А это деньги налогоплательщиков, наши с вами, и они были

Фото: Илья Варламов

В производстве Фонда «Общественный вердикт» дел о пытках не один десяток. И что самое печальное, ситуация с качеством расследования практически не изменилась за это десятилетие

выплачены за то, что должностное лицо государства, будучи при исполнении, совершило преступление.

Представляется, что все вместе взятое является достаточно веским основанием для того, чтобы государство наконец-то задумалось о причинах распространения пыток и обеспечило бы принцип неотвратимости наказания. Последнее не получится сделать, если государство не предпримет ряд мер, гарантирующих потерпевшим от этого тяжкого преступления, которому в международном праве нет никакого оправдания, эффективную и качественную правовую помощь, в том числе профессиональное и беспристрастное расследование таких сообщений.

Правозащитные НПО – это чуть ли не единственное место, где потерпевший от пыток может получить эффективную профессиональную правовую помощь в восстановлении своих прав

Российские НПО, работающие по защите пострадавших от милицейского насилия

Наталья Таубина

Первое десятилетие 21-го века с уверенностью можно считать периодом профессионализации работы правозащитных организаций в защите пострадавших от насилия и других преступлений со стороны сотрудников правоохранительных органов. Профессионализация привела, с одной стороны, к росту эффективности в защите конкретных пострадавших, с другой – с большей очевидностью высветила необходимость системных изменений и сложности, испытываемые правозащитниками в попытках продвигать изменения.

Основными причинами роста профессионализма и повышения эффективности работы стали:

- критическое состояние правоохранительной системы в России;
- растущий запрос от граждан на помощь не только в части консультирования, но и в процессе восстановления прав и привлечения к ответственности виновных правоохранителей и, соответственно, растущие ожидания граждан.

Можно утверждать, что новый этап в развитии работы по защите пострадавших от милицейского насилия наступил в начале 2000-х, когда был создан Нижегородский комитет против пыток, чуть позднее – Фонд «Общественный вердикт». Нижегородские коллеги стали создателями методики общественных расследований о пытках, которая в дальнейшем была доработана и описана уже с участием коллег из «Вердикта», Йошкар-Олинской НПО «Человек и закон» и Казанского правозащитного центра. Метод общественных расследований позволяет не только выявлять случаи нарушения прав человека в правоохранительных органах, но и добиваться восстановления нарушенных прав граждан и наказания виновных. В ходе проведения общественных расследований проводится предварительная проверка выявленных случаев, собираются документальные подтверждения, опрашиваются свидетели, далее по подтвердившимся фактам ведется юридическое сопровождение. Кроме того проводится аналитическая работа по этим фактам, позволяющая дать оценку системным проявлениям произвольных практик, обратить внимание должностных лиц на эти практики и требовать их устранения, а также разрабатывать рекомендации, направленные на реформирование системы.

На сегодня методику общественных расследований в своей работе используют около полутора десятков НПО в России, это позволяет эффективно добиваться справедливости, восстановления прав пострадавших и наказания сотрудников правоохранительных органов, виновных в применении пыток и жестоком обращении.

Практически в работе с каждым делом правозащитникам приходится преодолевать нежелание следственных органов проводить качественное расследование. Как правило, уже на этапе предварительной проверки выносится отказ в возбуждении уголовного дела. Следователи ограничиваются минимальным кругом следственных действий, не учитывают показания пострадавшего, не стараются выявить независимых свидетелей и опросить их, с большим доверием относятся к показаниям сотрудников милиции, чем к показаниям потерпевших. Такие отказные постановления после обжалования со стороны правозащитных НПО в вышестоящие инстанции или в суд признаются незаконными и необоснованными и отменяются, проводится новый раунд проверки, которая зачастую опять заканчивается отказом в возбуждении уголовного дела. Это снова обжалуется, отменяется и т.д. Таких витков может быть несколько десятков, дела на стадии проверки могут находиться годами. Эти затягивания приводят к потере улик, важных свидетельских показаний и т.д.

Работе по проведению общественного расследования и юридического сопровождения всегда сопутствует информационное

сопровождение. Организации исходят из того, что крайне важен не только и даже не столько сам факт предания огласке случаев пыток и насилия в милиции (этого и без правозащитных организаций в российских СМИ в последние два года более чем достаточно), сколько демонстрация реального опыта – возможности добиваться правовыми механизмами возбуждения уголовного дела, предъявления обвинения, судебного разбирательства, наказания виновных правоохранителей и взыскания компенсации с государства за вред, причиненный государственными чиновниками. Практически все правозащитные организации, использующие метод общественных расследований, ведут активную PR-информационную работу, инициируют в год сотни публикаций в СМИ.

Работа с жертвами пыток и жестокого и унижающего обращения показывает, что пострадавшие остро нуждаются не только в юридической помощи, но и в психологической и психосоциальной реабилитации. Отсутствие компонентов психологической и психосоциальной реабилитации в работе с жертвами пыток не позволяет в полной мере восстанавливать причиненный им ущерб и возвращать их к полноценной социальной жизни. Кроме того, в некоторых случаях отсутствие психологической и психосоциальной поддержки снижает эффективность правовой помощи пострадавшим от пыток: память о полученной травме и испытываемый в связи с этим стресс препятствует полноценному участию жертв в юридических процедурах. Правозащитные организации стараются вводить в свою работу программы психологической реабилитации. Развитие программ психологической и психосоциальной реабилитации в деятельности правозащитных организаций усиливает комплексный подход к оказанию помощи жертвам пыток и позволяет не только повышать эффективность работы по правовой защите этих лиц, но и содействовать минимизации психологических и психосоциальных последствий для пострадавших.

Правозащитные организации, работающие по проблеме произвола правоохранительных органов, уделяют внимание экспертно-аналитической работе. Как правило, эта деятельность состоит из:

1) обзоров по делам и сообщениям о нарушениях, поступающих через СМИ и другие НПО, включающих анализ проблем и типов нарушений, обобщение произвольных практик на региональном уровне для дальнейшей правовой и информационной работы в данном регионе с целью искоренения сложившихся практик, case study;

2) анализа законодательных инициатив и правоприменительной практики в сфере деятельности правоохранительных органов.

Обзоры и аналитика направляются в компетентные российские государственные органы, представляются широкой общественности, экспертному сообществу, используются в правовой работе, направленной на искоренение произвольных практик, в проведении дискуссий, круглых столов, пресс-конференций и т.д. На базе анализов разрабатываются рекомендации, направленные на повышение эффективности работы правоохранительных органов и наиболее полное соблюдение прав человека.

Важным элементом работы по защите пострадавших от нарушений со стороны сотрудников правоохранительных органов является деятельность, направленная на внедрение международных стандартов в области прав человека в российскую правоприменительную практику. В частности, правозащитные организации готовят и подают жалобы в Европейский Суд по правам человека, а также в соответствующие договорные органы по правам человека ООН. Кроме того, организации отслеживают исполнение постановлений ЕСПЧ, особенно в части мер общего характера, выработывают свои рекомендации по более полному исполнению постановлений ЕСПЧ, направляют такие меморандумы в Комитет министров Совета Европы. Также разрабатываются различные пособия, проводятся тренинги для сотрудников правоохранительных органов.

Фонд «Общественный вердикт» и его партнеры в регионах исходят из принципа, что для достижения максимального и устойчи-

вого результата работа по защите прав пострадавших обязательно должна сопровождаться продвижением системных преобразований, позволяющих коренным образом изменить принципы работы правоохранительных органов и обеспечить более полное соблюдение прав человека сотрудниками этих органов. Поэтому программы по реформе МВД активно развиваются в среде правозащитных НПО. В частности, в 2008 году по инициативе Фонда и московского представительства Международной Амнистии была создана Рабочая группа НПО по реформе МВД, которая сегодня объединяет 14 правозащитных организаций, работающих в разных регионах.

Рабочая группа стала первой и на сегодня, по сути, единственной структурой в стране, кто представил общественности свою концепцию реформирования МВД. Концепция не осталась без внимания, были проведены серии обсуждений на федеральном уровне с участием депутатов ГД, представителей МВД, представителей Совета по развитию гражданского общества и правам человека при Президенте РФ, представителей Общественной палаты РФ. Дискуссии также состоялись в 13 регионах страны – с участием представителей региональных органов внутренних дел, исполнительной власти, уполномоченных по правам человека, общественности. Члены Рабочей группы ведут активную работу в информационном пространстве, выражая свои позиции по вопросам реформирования, озабоченность ходом реформы, внося конкретные предложения по необходимым мерам.

Резюмируя описание опыта работы правозащитных организаций в защите пострадавших от насилия со стороны сотрудников правоохранительных органов, важно сказать несколько слов о перспективах этой работы. Масштаб проблем свидетельствует о том, что такая работа будет востребована в российском обществе еще долгое время. Опыт показывает, что деятельность по защите пострадавших от насилия с каждым годом развивается, причем это развитие носит продуманный и системный характер – новые инициативы возникают на основе имеющегося опыта и призваны поднять эффективность работы. Безусловно, в ближайшие годы правозащитные организации будут продолжать:

- Оказывать юридическую помощь пострадавшим
- Предоставлять возможность психологической и психосоциальной реабилитации
- Вести экспертно-аналитическую и исследовательскую деятельность
- Развивать программы по внедрению в российскую практику международных стандартов в области прав человека
- Лоббировать комплексное реформирование правоохранительной системы и, в частности, органов внутренних дел
- Вести активное сопровождение всей этой работы в информационном пространстве

Судебный контроль за качеством следствия

Ольга Шепелева, Институт «Право общественных интересов» (PILnet)

Одно из необходимых условий реализации прав и свобод – существование правовых механизмов для их защиты. Причем эти механизмы должны быть эффективными, то есть восстанавливать права или давать компенсацию.

Разные права требуют для своей защиты разных правовых механизмов.

Если говорить о пытках, или – в терминологии российского уголовного кодекса – превышении должностных полномочий с применением насилия, необходимым элементом механизма правовой защиты является возможность доказать, было ли нарушение, и если было – обеспечить расследование.

Закон рассматривает применение пыток как тяжкое преступление, за которое можно получить суровое наказание. Поэтому причастные лица не только не стремятся признаваться, а наоборот, стараются факт пыток скрыть. Зачастую первым источником информации о пытках становится сам пострадавший.

Подтвердить или опровергнуть информацию о пытках можно лишь в результате расследования. От качества расследования зависит доступ пострадавшего к компенсации и другим

формам восстановления прав, а также восстановление репутации правоохранительных органов.

Подчеркивая значимость расследования жалоб на пытки, Европейский Суд по правам человека (ЕСПЧ) сформулировал требования к его качеству. Расследование, во-первых, должно быть быстрым. Во-вторых, расследование должно быть тщательным. То есть, в процессе расследования должны быть совершены все необходимые действия по проверке обстоятельств, изложенных в жалобе, устранены противоречия в данных и сформирована убедительная версия событий. В-третьих, расследование должно быть независимым. Под независимостью понимается не только отсутствие личной или служебной заинтересованности у следователей, но также беспристрастность в оценке доказательств¹.

¹ Подробнее о стандартах расследования жалоб на пытки см. пособие «Принципы и стандарты расследования сообщений о пытках» в разделе «Библиотека» на сайте Фонда «Общественный вердикт» http://www.publicverdict.org/upload_files/broshura_buclet.pdf

К сожалению, в нашей стране качество расследования жалоб на пытки оставляет желать лучшего. Нарушение требований к качеству расследования зафиксировано в многочисленных решениях ЕСПЧ². Анализ конкретных дел, находящихся в производстве Фонда «Общественный вердикт», показывает, что следственные органы недостаточно тщательно собирают информацию и доказательства, медлят с проведением необходимых проверочных и следственных действий, необоснованно отказывают в возбуждении уголовных дел³.

Можно ли что-то сделать в этой ситуации? Существуют ли правовые способы повлиять на качество проверки и расследования жалоб на пытки?

Как минимум формально такой способ есть. Статья 125 Уголовно-процессуального кодекса (УПК) дает возможность обжаловать в суде решения, действия и бездействие следователя. На основании этой статьи в суд может обращаться не только подозреваемый или обвиняемый, но и предполагаемая жертва преступления, в том числе – жертва неправомерного насилия со стороны должностных лиц. Для того чтобы обжаловать действия следователей в суде, пострадавший не должен дожидаться возбуждения уголовного дела. Судебный контроль распространяется и на стадию доследственной проверки. Например, в суде можно обжаловать отказ в возбуждении уголовного дела, отказ в предоставлении копии этого решения, отказ в возможности ознакомиться с проверочными материалами.

Как работает судебный контроль за работой следственных органов? Насколько он эффективен применительно к расследованию жалоб на пытки? Насколько требования к качеству расследования, предъявляемые российскими судами, соотносятся с требованиями ЕСПЧ? Возможность ответить на эти вопросы дают материалы исследования, проведенного Фондом «Общественный вердикт».

Во время исследования выяснилось, что суды ведут лишь общий учет обращений, рассмотренных в порядке ст. 125 УПК. Статистических данных о том, кто, по каким поводам и с какими результатами жалуется на следствие, нет⁴. По собственным оценкам судей, с жалобами в порядке статьи 125 УПК чаще обращаются подозреваемые, обвиняемые и их защитники⁵. Впрочем, жалоб от пострадавших тоже немало – обычно они оспаривают в судах отказы в возбуждении уголовного дела. Сре-

Здание Верховного Суда России

ди них и граждане, утверждающие, что стали жертвами противоправного насилия со стороны правоохранительных органов. Исходя из материалов исследования, практически каждый судья сталкивается в своей практике с подобными обращениями.

Рассматривая в порядке ст. 125 отказ в возбуждении уголовного дела по жалобе на пытки, судьи, как и в случае обжалования любого другого отказа в возбуждении дела, проверяют закон-

ность и обоснованность этого решения следователя. Под законностью подразумевается соблюдение необходимых процессуальных формальностей: «А тем ли лицом [принято решение об отказе в возбуждении дела – О.Ш.], уполномочен ли этот орган принимать решения, соблюли ли все требования УПК, которые там на этот счет»⁶.

Обоснованность судьи, в первую очередь, понимают как достаточность информации для принятия решения.

² См. обзор «Эффективность расследования: оценка практики российских правоохранительных органов в постановлениях Европейского Суда по правам человека» на сайте Фонда «Общественный вердикт» <http://www.publicverdict.org/topics/eurocourt/7770.html>

³ См., в частности, результаты анализа обращений граждан, дела которых были приняты в производство «Общественного вердикта», на сайте Фонда <http://publicverdict.org/topics/news/9472.html>

⁴ Из интервью с судьей 1, Пермский край.

⁵ Из интервью с судьей 1, Республика Коми.

⁶ Из интервью с судьей 2, Пермский край.

То есть, при проверке обоснованности решения об отказе в возбуждении уголовного дела суд прежде всего смотрит на полноту последственной проверки: «Все, что касается вопроса, который был поставлен [в сообщении гражданина о преступлении – О.Ш.], все должно быть проверено. И тот вывод, который у нас [следствие – О.Ш.] сделал, он должен быть подтвержден. Мы это должны руками взять, глазами посмотреть. Если что-то и где-то у нас не получается, мы говорим о неполноте»⁷.

Кроме того, в понятие обоснованности входит соответствие решения следствия собранным данным. На практике это означает, во-первых, что факты, на которые следователь ссылается в своем решении, не должны опровергаться материалами проверки: «Он [следователь – О.Ш.] неправильные выводы сделал, [если – О.Ш.] он ссылается на объяснения таких-то лиц, а они совсем другое дали в объяснениях»⁸. Во-вторых, в материалах, собранных следствием при проверке, не должно быть противоречий: «Выводы сделаны из противоречивых данных, да, недостаточно мотивированные. Почему вы пришли к этому выводу? Допустим, два человека допрошены, да, они дали информацию противоположного содержания, вывод сделан на основании объяснения одного из этих людей. Неправильно. Если уж так, давайте замотивируемся, а еще лучше – давайте подтверждать или опровергать [сбором дополнительной информации – О.Ш.]»⁹.

Таким образом, понятия законности и обоснованности, которыми оперируют судьи, подразумевает не только оценку итогового документа последственной проверки, которым является отказ в возбуждении уголовного дела, но и оценку самого процесса последственной проверки.

Если сопоставлять критерии, с которыми наши суды подходят к оценке последственных проверок жалоб на пытки, с критериями качества расследования, которые предлагает ЕСПЧ, на первый взгляд, они кажутся совпадающими. Так же, как ЕСПЧ, российские суды уделяют внимание полноте собранной информации. Фактически требование российских судов о полноте проверки аналогично требованию ЕСПЧ о тщательности расследования.

Что касается такого критерия, как независимость расследования, то участвовавшие в исследовании судьи сопоставляли его с концепцией объективности и указывали, что объ-

ективность – одно из условий законности и обоснованности решений следователя. Однако объективность рассматривается, скорее, как отсутствие формальных поводов сомневаться в заинтересованности следователя. Например, следователь не должен быть родственником потерпевшего. А следователь, ведущий дело об убийстве, не должен проверять жалобы предполагаемого убийцы на выбивание признательных показаний¹⁰.

Подтвердить или опровергнуть информацию о пытках можно лишь в результате расследования. От качества расследования зависит доступ пострадавшего к компенсации и другим формам восстановления прав, а также восстановление репутации правоохранительных органов

Между тем ЕСПЧ не сводит независимость расследования к отсутствию у следователя прямой личной или служебной заинтересованности. ЕСПЧ подчеркивает значение независимости оценок и выводов расследования, то есть свободы от предубеждений и стереотипов. Например, стереотипа, что жалобы на пытки – это просто стратегия защиты от обвинений в совершении преступления и поэтому таким жалобам верить нельзя. Или стереотипа о том, что показания должностных лиц заслуживают большего доверия, чем показания обычных граждан.

Судя по материалам исследования, идея независимости в оценке доказательств не совсем понятна нашим судьям. Рассуждения участников исследования на эту тему либо сводились к констатации того, что следователи тоже люди, имеющие свое представление о добре и зле, либо к тому, что необъективность при оценке доказательств является результатом неполноты последственной проверки: «Если мы будем говорить о необъективности,

то любое решение на основе неполной проверки – это свидетельство необъективности. Если человек, не имея достаточных данных, сделал какой-то вывод, объективен он?»¹¹.

Таким образом, судебный контроль за расследованием пыток не очень приспособлен к выявлению нарушений принципа независимости расследования, но вполне способен отреагировать на недостаточную тщательность такого расследования. Как следует из материалов исследования, неполнота последственной проверки по жалобе на пытки обычно приводит к признанию незаконности отказа в возбуждении уголовного дела: «Мы удовлетворяем жалобы. Это ведь не единичные случаи»¹². При этом суды не просто констатируют, что отказ в возбуждении уголовного дела незаконный и необоснованный, но и достаточно детально объясняют, в чем недостатки и пробелы проведенной проверки: «В ходе проведенной проверки не были выяснены вот такие, такие обстоятельства, то есть то-то, то-то, то-то не было сделано»¹³.

Устраняются ли выявленные судами недостатки в работе следственных органов? По идее, если суд признал отказ в возбуждении уголовного дела незаконным, следствие должно его отменить и либо возбудить дело, либо, по меньшей мере, возобновить последственную проверку и во время ее проведения исправить все указанные судом недостатки. Однако на практике все может быть иначе.

Следственные органы по закону самостоятельны в выборе направлений методов проверки и ведения следствия. И они далеко не всегда спешат исправить выявленные судом упущения. Следователи, не проводя фактически никакой работы, «могут через два дня вынести постановление об отказе, вроде как новое формально, ну или через пять дней, через неделю»¹⁴. В некоторых случаях такое бездействие следователя приводит к повторным обращениям гражданина в суд с жалобой: «Может опять пожаловаться, и может и в третий раз, и в четвертый. К сожалению, мы знаем такие факты»¹⁵.

⁷ Из интервью №2 с судьей. Пермский край. 2010 год

⁸ Из интервью №1 с судьей. Пермский край. 2010 год

⁹ Из интервью №2 с судьей. Пермский край. 2010 год

¹⁰ Из интервью №1 с судьей. Республика Коми. 2011 год

¹¹ Из интервью №1 с судьей. Республика Коми. 2011 год

¹² Из интервью №2 с судьей. Пермский край. 2010 год

¹³ Из интервью №1 с судьей. Республика Коми. 2011 год

¹⁴ Из интервью №1 с судьей. Пермский край. 2010 год

¹⁵ Из интервью №1 с судьей. Республика Коми. 2011 год

Судьи объясняют отсутствие надлежащей реакции со стороны органов следствия общим неуважением к судебным решениям, а также слабостью механизмов их исполнения: «У нас на сегодняшний день исполняется только уголовное наказание. Решения по гражданским делам, промежуточные судебные решения, механизм ст. 125 – какой контроль? Никакой»¹⁶.

Эта ситуация вызывает у судей определенное беспокойство: «Судьи понимают, что такое отношение к их решениям со стороны следствия – вообще это очень плохой путь, когда сначала есть отказ в возбуждении уголовного дела, потом его отменяют по жалобе. Даже после первого раза уже сложно: пока проверку провели, пока вот, значит, человек получил, ознакомился, написал, пришел в суд, – это идет все время. Чем больше проходит времени, тем сложнее с этим разбираться. А когда отказов два, три, то там это все сделать очень сложно»¹⁷.

В принципе, несмотря на отсутствие права вмешиваться в работу следственных органов, у судей есть определенные возможности повлиять на них. «Вообще-то, в идеале, суд обязан в таких случаях вынести частное определение о том, что «стоп, ребята,

Судьи объясняют отсутствие надлежащей реакции со стороны органов следствия общим неуважением к судебным решениям, а также слабостью механизмов их исполнения

вы не только проверку не проводите, вы и за своими кадрами никакого контроля не осуществляете, потому что вам признали незаконным, а вы ничего не делаете. Вы, руководитель, там, следствия тоже – ничего, никаких мер не предпринимаете»¹⁸. Однако этот способ судьи используют крайне редко. Во-первых, потому что сами судьи полагают, что такие действия противоречат принципу разделения властей: «Все равно мы туда не полезем, это не наше дело, мы не можем ничего им навязывать»¹⁹. Во-вторых, потому, что судьи не очень верят в действенность своих частных определений: «Сказать,

что так уж испугались частных определений суда, я не могу. И судьи это прекрасно знают, и поэтому жалко тратить время. Ну, лишний раз глас вопиющего в пустыне»²⁰.

Получается, что механизм судебного контроля за следствием, как он существует сейчас, оказывается не очень эффективным. С одной стороны, он ориентирован на выявление только части нарушений, происходящих при проверке и расследовании жалоб на пытки. А с другой стороны, влияние судебного контроля на качество расследования на практике оказывается ограниченным.

¹⁶ Из интервью №2 с судьей. Республика Коми. 2011 год.

¹⁷ Из интервью №1 с судьей. Пермский край. 2010 год.

¹⁸ Из интервью №1 с судьей. Республика Коми. 2010 год.

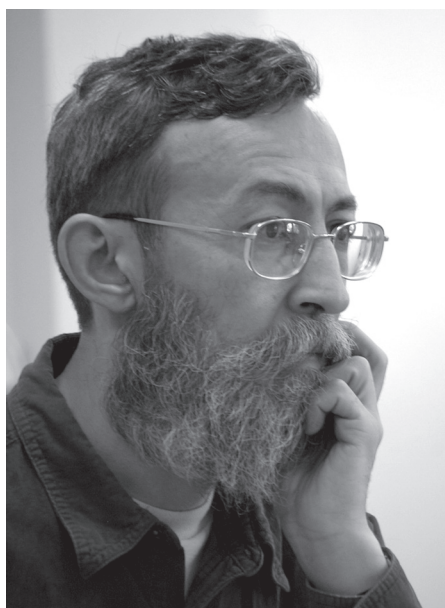
¹⁹ Из интервью №2 с судьей. Пермский край. 2010 год.

²⁰ Из интервью №1 с судьей. Республика Коми. 2011 год.

ЭКСПЕРТНОЕ МНЕНИЕ

«Тихие омуты»: явное и латентное насилие

Владимир Николаев, канд. социол. наук, Высшая школа экономики, Москва

Важным индикатором состояния общества является установившийся в нем уровень насилия. С проявлениями насилия можно сталкиваться в самых разных местах: дома, на работе, во дворе, в других общественных местах, в школах, армии, тюрьмах и т.д. Насилие может вторгаться в жизнь человека в самых разных сферах его деятельности и при самых разных обстоятельствах. Насилие и реагирование на него во многом определяют стратегии поведения людей в тех или иных ситуациях и содержание их повседневного существования.

Отчасти об уровне насилия в обществе можно судить по ряду внешних показателей, которые фиксируются статистически. Это, в первую очередь, статистика преступности, в том числе тяжких преступлений. По официальным данным МВД, в 2010 г. зарегистрировано 2628,8 тыс. преступлений, в январе–мае 2011 г.

– 1032,9 тыс. преступлений. Доля тяжких преступлений составляет среди них более четверти (26–27%). За 2010 г. официально зарегистрировано 42 тыс. убийств и 50,8 тыс. случаев причинения тяжкого вреда здоровью, за январь–май 2011 г. – 15,7 тыс. убийств и 20,5 тыс. случаев причинения тяжкого вреда здоровью¹. По числу убийств на 100000 населения Россия в последнее десятилетие заняла устойчивое первое место в мире, обогнав ЮАР. Значительная часть убийств происходит в семьях. По оценке Национальной независимой комиссии по правам женщин и насилию в отношении женщин, ежегодно от рук супругов или партнеров погибает 14 тыс. россиянок, каждый день 36 тыс. женщин подвергаются избиению в семье².

Убийства и насилие, направленные на других, – проявления агрессии, которая также может быть направлена и на себя самого. Поэтому важным показателем насилия является и уровень самоубийств. По данным ВОЗ, за период с 1991 по 2004 г. Россия потеряла в результате суицидов более 800 тыс. человек. В последние годы количество самоубийств несколько снизилось: в 2008 г. – 38,4 тыс., в 2009 г. – 37,6 тыс.³ Но Россия устойчиво входит в десятку стран,

лидирующих по числу самоубийств. Эта статистика важна не только как показатель общественного неблагополучия, но и в связи с тем, что, по мнению критически настроенных специалистов, в ней может содержаться немало случаев убийств, закамуфлированных под суицид.

Ряд экспертов сходятся во мнении, что данные по преступности, в том числе по тяжким преступлениям, в официальной статистике систематически занижаются. По оценке В. Овчинского, генерал-майора милиции в отставке, количество убийств в сегодняшней России может достигать 50 тыс. в год⁴. Исследование сотрудников НИИ Академии Генпрокуратуры показывает, что официальная статистика преступности вводит в заблуждение, что в стране ежегодно совершается порядка 46 тыс. убийств и что в целом преступность в России в последнее десятилетие росла⁵.

Латентная составляющая наиболее очевидна в случае таких тяжких преступлений, как изнасилования. По официальным данным МВД, в 2008 г. их было зарегистрировано 5398, в 2009 – 4790, в 2010 – 4907. В докладе Национальной независимой комиссии «Территория молчания: Права женщин и проблема насилия в отношении женщин в России»

¹ Данные взяты с официального сайта МВД: http://www.mvd.ru/presscenter/statistics/reports/show_88233/; http://www.mvd.ru/presscenter/statistics/reports/show_92230/.

² С. Гомзикова. Садизм в семейном интерьере // Свободная пресса. 23 апреля 2011 г.: <http://svpressa.ru/t/42494/?fb22=1>.

³ Цифры взяты из центральной базы статистических данных Федеральной службы государственной статистики: <http://www.gks.ru/dbscripts/Cbsd/DBInet.cgi>. Они значительно выше включаемых в публикуемый этой службой «Российский статистический ежегодник» (http://www.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat/rosstatsite/main/publishing/catalog/statisticCollections/doc_1135087342078). Впрочем, даже цифры, приводимые в Ежегоднике (для 2009 г. – 26,5 тыс. человек), оцениваются специалистами как «критический уровень».

⁴ BaltInfo.ru, 31 марта 2011 г.: <http://www.baltinfo.ru/2011/03/31/Realnoe-kolichestvo-ubiistv-vtroee-vyshe-ofitcialnykh-dannykh---Ovchinskii-196368>

⁵ Теоретические основы исследования и анализа латентной преступности / Под ред. С.М.Иншакова. М: Юнити-Дана, Закон и право, 2011.

предлагается оценка, согласно которой их число в действительности составляет от 30 до 50 тыс. в год⁶; более точных данных не существует.

Не менее показательны острые проявления насилия, имеющие внешне единичный характер: стихийные массовые беспорядки (драки футбольных фанатов, события на Манежной площади), резонансные всплески насилия (случай майора Евсюкова, события в Кондопоге, Кобралове, Куцевской), бунты заключенных в исправительных учреждениях. Эти случаи привлекают общественное внимание, поражая многих своей внезапностью, дикостью и кажущейся неотвратимостью.

Все эти цифры и случаи – только вершина айсберга. И дело не только в том, что случаи насилия не всегда регистрируются в уголовной статистике и просачиваются в средства массовой информации. Даже если бы все случаи находили в них отражение, все равно остается равномерно разлитое по всему обществу насилие, о характере и масштабах которого приведенные цифры и примеры дают приблизительное представление.

Это рассеянное в обществе насилие, служащее фоном повседневного существования, латентно в двух смыслах. Во-первых, о нем предпочитают не говорить. Это касается домашнего насилия, насилия в школах, насилия в за-

Исторический опыт россиян привил очень высокий порог терпимости к насилию. В силу этого граждане сами часто не воспринимают происходящее как насилие до тех пор, пока оно не достигнет крайних степеней и не выразится в таком, например, ощущении ущерба, как физические увечья или даже смерть

крытых учреждениях (тюрьмах, психиатрических больницах, воинских частях, школах-интернатах, домах престарелых и т.п.), насилия со стороны сотрудников правоохранительных органов. К типичным мотивам утаивания можно отнести культуру неразглашения («не выносить сор из избы», «не стучать» и т.п.), страх перед еще большим насилием, общее чувство незащищенности, недоверие как к согражданам, так и почти ко всем общественным институтам.

Во-вторых, исторический опыт россиян (большие и малые войны XX века, репрессивная государственная машина, вековое правовое бессилие, широкое проникновение криминальных стандартов в общую культуру через сталинские лагеря и криминальную волну 90-х гг.) привил очень высокий порог терпимости к насилию. В силу этого граждане сами часто не воспринимают происходящее как насилие до тех пор, пока оно не достигнет крайних степеней и не выразится в таком, например, ощущении ущерба, как физические увечья или даже смерть.

Ряд форм нефизического насилия (угроза применения насилия, экономи-

ческое принуждение, использование судебных или иных институтов для причинения ущерба, психологическое насилие) вообще не воспринимаются значительной частью населения как насилие в собственном смысле слова.

Реалистичное представление о насилии в российском обществе требует понимания того, что в полицейскую документацию, статистику и новостные ленты, как правило, попадают случаи, когда жертвы насилия уже дошли до отчаяния или когда имеются последствия, которые невозможно скрыть. Это можно сказать и о домашнем насилии по отношению к женщинам и детям, и о дедовщине в армии, и о регулярном насилии по отношению к обитателям закрытых учреждений (заключенным, пациентам психиатрических больниц, воспитанникам детских домов), и о насильственных практиках, применяемых в сфере бизнеса и предпринимательства, и о насилии в школах, и о пытках в следственных изоляторах.

Даже в тех случаях, когда человек, ставший жертвой насилия, готов обратиться за помощью, он не всегда это делает. В органы внутренних дел он может

⁶ <http://www.anna-center.ru/ru/component/content/article/32/15.html>; Доклад Национальной независимой комиссии по правам женщин и насилию в отношении женщин «Ни закона, ни справедливости: Насилие в отношении женщин в России» / Под ред. М. Пислаковой-Паркер и А. Синельникова. – М.: Эслан, 2010.

Статья 3 Европейской Конвенции «О защите прав человека и основных свобод». Неочевидные формы насилия

Мария Сучкова

В соответствии со статьей 3 Конвенции о защите прав человека и основных свобод (далее – Конвенция) «никто не должен подвергаться ни пыткам, ни бесчеловечному или унижающему достоинство обращению или наказанию». На первый взгляд, может показаться, что эта норма касается только крайних форм проявления насилия, сопряженных с причинением серьезного физического вреда. Действительно, большая часть постановлений Европейского Суда по правам человека (далее – Суд) по статье 3 касается таких вопросов, как пытки и жестокое обращение с задержанными, исключительно плохие условия содержания под стражей, которые могут вести к ухудшению состояния здоровья, экстрадиция или депортация человека в страну, где он(а) будет, вероятно, подвергнут(а) пыткам. Однако Суд в своей практике также распространяет действие статьи 3 и на менее очевидные формы насилия, которые не обязательно связаны с прямым (или отложенным) серьезным физическим воздействием. Такие дела, как правило, не попадают в категорию «пытки», а рассматриваются Судом в свете запрета «бесчеловечного» или «унижающего достоинство» обращения или наказания.

Еще в своей ранней практике конвенционные органы признавали, что запрет, содержащийся в статье 3 Конвенции, имеет целью, в том числе, предотвратить особенно серьезные нападки на достоинство человека, даже если они не связаны с прямым физическим воздействием¹. Поэтому в ряде дел признавалось, что расовая дискриминация как крайняя форма отказа в пользовании правами может в некоторых случаях рассматриваться в качестве унижающего достоинство обращения. Например, в деле «Молдован и другие против Румынии», касающемся погрома в цыганской части деревни, Суд, признавая нарушение статьи 3 Конвенции, учел расистские замечания властей в ходе рассмотрения жалоб заявителей в качестве «отягчающего фактора»². Кроме того, Суд отмечал, что обращение, не связанное с насилием, основанное на дискриминации по признаку сексуальной ориентации, также может попадать в сферу действия статьи 3, если оно носит достаточно серьезный характер³.

В некоторых постановлениях и решениях Суда также можно проследить связь статьи 3 Конвенции с вопросами собственности и обеспечения достойного уровня жизни. Так, в деле «Сельджук и Аскер против Турции» Суд признал, что преднамеренное сожжение домов и уничтожение собственности престарелых заявителей силами безопасности Турции, в результате чего заявители вынуждены были покинуть деревню, где они прожили всю жизнь, в отсутствие какой-либо помощи по обустройству на новом месте, причинило им серьезные страдания и являлось бесчеловечным обращением по смыслу статьи 3 Конвенции⁴. Российские граждане жаловались в Суд на нарушение статьи 3 в связи с мизерными размерами пенсий и других социальных выплат, которые являлись единственным источником их дохода. В решениях по таким делам Суд отмечал, что Конвенция не гарантирует право на определенный уровень жизни и Суд не может вмешиваться в вопрос об определении размера социальных выплат и пенсий. Тем не менее Суд указывал, что он не исключает, что жалоба на крайне маленький размер пенсий и иных социальных выплат может в некоторых случаях поставить вопрос по статье 3 Конвенции в части бесчеловечного или унижающего достоинство обращения⁵. На момент написания данной статьи Суд не признавал нарушение статьи 3 на этом основании⁶.

Одной из важных тем, касающихся неочевидных форм насилия, является проблема доступа к медицинской помощи для

лиц, содержащихся в заключении. Так, в деле «Худобин против России» Суд признал, что отсутствие своевременной и квалифицированной медицинской помощи и регулярного мониторинга состояния заявителя, страдавшего множеством тяжелых хронических заболеваний, а также чувство страха и незащищенности, возникавшее у заявителя в связи с риском не получить адекватную медицинскую помощь в критической ситуации, является унижающим достоинство обращением. При этом Суд отметил, что, хотя уровень лечения, предоставляемый в тюремных больницах, может быть и не таким высоким, как в лучших больницах для граждан, находящихся на свободе, государство обязано обеспечить поддержание здоровья заключенных путем предоставления им адекватной медицинской помощи. В тех же случаях, когда власти принимают решение о помещении в заключение лица, страдающего серьезными заболеваниями, они должны проявить особую тщательность в обеспечении условий содержания, которые соответствовали бы физическому состоянию и особым потребностям такого заключенного⁷ (включая медицинскую помощь).

Еще одной ситуацией, в которой Суд признавал обращение, не связанное с физическим насилием, нарушением статьи 3 Конвенции, является невыполнение властями позитивного обязательства по проведению эффективного расследования пыток и иного обращения, запрещенного статьей 3⁸. Кроме того, в делах, касающихся насильственных исчезновений, Суд признавал, что пренебрежительное отношение правоохранительных органов к заявлениям и жалобам близких родственников исчезнувшего и непредоставление им информации о ходе расследования само по себе является бесчеловечным обращением по отношению к родственникам⁹.

Исходя из изложенного, можно отметить, что при оценке жалоб на обращение, не связанное с прямым физическим воздействием, в свете статьи 3 Конвенции Суд придерживается общего принципа, разработанного им в практике по этой статье, придавая важнейшее значение индивидуальным характеристикам и обстоятельствам заявителя (например, возрасту, состоянию здоровья и психологическому состоянию). При этом Суд с большой осторожностью относится к расширению рамок статьи 3 и тщательно оценивает, является ли обжалуемое обращение достаточно серьезным, чтобы попасть в сферу действия фундаментального и абсолютного запрета, содержащегося в данной статье. Важными факторами в этом отношении являются фактические последствия обжалуемой ситуации для заявителя, влияющие обращения на его(ее) чувства и переживания, а также – в некоторых случаях – связь между обжалуемым обращением и такими общепризнанными принципами, как запрет дискриминации.

¹ East African Asians v. the United Kingdom, постановление Комиссии от 14/12/1973, DR 78, с. 55.

² Moldovan and Others v. Romania (no. 2), жалобы № 41138/98 и 64320/01, § 111.

³ Smith and Grady v. the United Kingdom, жалобы № 33985/96 и 33986/96, § 121.

⁴ Selçuk and Asker v. Turkey, постановление Суда от 24/04/1998, Reports 1998-II, §§ 77-78.

⁵ См., например, Larioshina v. Russia, решение по вопросам приемлемости, жалоба № 56869/00.

⁶ В 2008 году дело Антонины Будиной (жалоба № 45603/05), которая жаловалась на то, что ее пенсия никогда не превышала 1000 рублей, было коммуницировано властям Российской Федерации.

⁷ Khudobin v. Russia, жалоба № 59696/00, §§ 90-97.

⁸ См., например, Mikheyev v. Russia, жалоба № 77617/01, §§ 107-121.

⁹ См., например, Bazorkina v. Russia, жалоба № 69481/01, §§ 139-142.

не обращаться в силу того, что зачастую не ожидает от них помощи, не доверяет им и даже их опасается; особенно маловероятно его обращение к ним, когда он подвергается насилию со стороны сотрудников этих органов, «влиятельных людей» и бандитов, которые нередко тесно с ними связаны (как, например, в случае Куцевской). В правозащитные и общественные организации они могут не обращаться потому, что не знают об их существовании, не знают способов установления контактов с ними или имеют превратное представление о характере их деятельности; к этому может примешиваться страх перед тем, что такое обращение только усугубит их положение. По этой же причине они избегают обращения в прессу. В серьезных случаях огласка всегда сопряжена для жертв насилия с риском, и они предпочитают не идти на этот риск. Чаще всего люди предпочитают справляться со своими проблемами самостоятельно, но далеко не всегда и не все могут так с ними справиться.

Ряд форм нефизического насилия (угроза применения насилия, экономическое принуждение, использование судебных или иных институтов для причинения ущерба, психологическое насилие) вообще не воспринимаются значительной частью населения как насилие в собственном смысле слова

В атмосфере всеобщей незащищенности, фонового страха и недоверия практически любые места, в которых может повседневно бывать человек – дом, подъезд, улица, двор, школа, метро, кафе, клуб, танцплощадка, баня, тюрьма, воинская часть, стадион, пляж, рынок, целые районы, а иногда даже целые населенные пункты, – могут быть для него местами, где он в той или иной форме сталкивается с насилием. Чем более закрытыми являются эти места для внешнего наблюдения, тем выше вероятность

насилия и тем более жесткие формы оно может принимать. В общем и целом россияне живут в среде с высокой фоновой напряженностью и высоким шансом столкновения с агрессивными действиями со стороны сограждан. Значительная часть этих действий совершается безнаказанно, за пределами общественного внимания и порицания и остается известной только тем, кто совершил насилие, их жертвам и узкому кругу, как правило, безразличных и не вмешивающихся свидетелей.

Дети-инвалиды и непрофессионализм взрослых: производство незапланированной жестокости

Ольга Шепелева, Институт «Право общественных интересов» (PILnet)

В последние два года в поле зрения гражданских активистов и журналистов все чаще стали попадать вопросы, связанные с защитой прав воспитанников специализированных интернатов, предназначенных для детей с тяжелыми врожденными заболеваниями. В частности, в фокусе общественного внимания оказалась ситуация в Павловском интернате под Санкт-Петербургом и в Разночиновском интернате, находящемся в Астраханской области.

В обоих случаях активисты не просто обнародовали какие-то факты, которые они рассматривают как нарушение прав

детей, но и обратились в прокуратуру и другие контролирующие инстанции, с тем чтобы получить правовую оценку ситуации и добиться улучшения положения детей. Коммуникация между чиновниками и защитниками детских прав в рамках официальных процедур и в прессе продемонстрировала существенное расхождение в понимании прав детей-инвалидов.

Первое расхождение – в том, какие именно права есть у детей с тяжелыми заболеваниями и, соответственно, реализацию каких прав должно в первую очередь обеспечивать государство. По словам психолога и специалиста по се-

мейному устройству детей, Людмилы Петрановской, государственная система попечения «имеет дело не с людьми, а с телами: дети ухожены, получают четырехразовое питание – значит, все в учреждении в порядке»¹. Соответственно, обеспечение прав детей сводится к соблюдению санитарно-гигиенических норм. Неудивительно, что первые прокурорские проверки в Разночиновском интернате, начатые в связи с сообщениями о неучтенных захоронениях умерших воспитанников, выявили лишь «технические» нарушения: несвоевременное прохождение медобследования работниками учреждения, необходимость косметического ремонта помещения бани и прачечной, отсутствие специального помещения для сортировки и сдачи грязного белья и т.п.²

Складывается впечатление, что наличие у детей-инвалидов других прав осознается официальными инстанциями с трудом. Только в результате повторных проверок, проведенных по настоянию общественности, прокуратура нашла нарушения при оказании медицинской по-

Понимание ситуации детей-инвалидов подменяется стереотипами в их отношении. В некоторых случаях это оборачивается откровенной жестокостью, причем происходящей без чьего-либо злого умысла

мощи, а также при направлении воспитанников в психиатрический стационар³. При этом жалобы общественников на то, что воспитанники интерната необоснованно признаются необучаемыми, не получают образования, не проходят программ реабилитации и освоения минимальных социальных навыков и навыков самообслуживания, понимания так и не нашли. Судя по всему, система государственного попечения исходит из того, что детям с тяжелой формой инвалидности знания и навыки не очень нужны: они либо умрут до достижения совершеннолетия, либо будут переведены во взрослый интернат, где проведут остаток своих дней. Впрочем, такой подход не удивляет. Государственных сервисов, которые помогали бы инвалидам организовать свою жизнь за пределами специальных учреждений, по большому счету, нет. К тому же идея, что человек с физическими или умственными расстройствами может рассчитывать не только на пожизненное содержание в интернате, но и на самостоятельное существование, пока слабо поддерживается обществом.

Второе расхождение – в представлениях о том, в чем именно заключается обеспечение прав детей инвалидов. Складывается впечатление, что чиновники контролирующих инстанций не всегда осознают, что возможности и потребности детей-инвалидов отличаются от возможностей и потребностей обычных людей, а значит, реализация их прав может потребовать особых гарантий. Отсутствие этого осознания проявляется в том числе и при оценке условий содержания детей-инвалидов в учреждении. В качестве иллюстрации можно привести комментарий Веры Дробинской – одного из волонтеров, обратившихся в прокуратуру и другие органы с требованием проверить ситуацию в Разночиновском интернате: «А знаете, какие туалеты в Разночиновке, в так называемом "бараке интенсивного ухода"? Так вот, там туалеты, как в старых вокзалах: дырки в полу – так называемые стоячие туалеты. Ну и представьте, что ребенок с тяжелой формой ДЦП сидит в "позе орла", чтобы сделать свои дела. Ясно, что это невозможно. Поэтому когда они пишут ребенку: "Физиологические отправления не контролирует" – делайте скидку на туалеты. А ведь никто из "проверяющих" не обратил внимания, какие там туалеты. А почему? А потому, что они ни фига не знают, что значит быть больным ДЦП!»⁴.

С одной стороны, инвалидность рассматривается как фактор, делающий «ненужными» какие-то права – например, право на развитие и автономию личности. С другой стороны, считается, что инвалиды имеют те же возможности реализовывать свои права, что и здоровые люди, и дополнительных гарантий для них не требуется. Фактически, понимание ситуации детей-инвалидов подменяется стереотипами в их отношении. В некоторых случаях это оборачивается откровенной жестокостью, причем происходящей без чьего-либо злого умысла. Пример – исто-

рия девочки Кристины, которая до недавнего времени также была воспитанницей Разночиновского интерната⁵.

Людмила Петрановская:
«Государственная
система попечения имеет
дело не с людьми, а с
телами: дети ухожены,
получают четырехразовое
питание – значит, все в
учреждении в порядке»

Кристина была привезена из интерната в один из московских стационаров для проведения офтальмологической операции. Девочка была сильно истощена, не могла самостоятельно двигаться, а в ее медицинских документах значилось множество страшных диагнозов, включая ДЦП и тяжелую умственную отсталость. Во время нахождения в больнице выяснилось, что ни ДЦП, ни умственной отсталости у Кристины нет. Ее проблемы оказались результатом слепоты, стресса от разлуки с сестрой-близнецом и педагогической запущенности. А причиной истощения оказалось ранее не диагностированное заболевание, из-за которого многие продукты питания не усваиваются. Уже после трех недель пребывания в больнице девочка начала двигаться, заговорила и значительно прибавила в весе. После окончания лечения удалось добиться ее перевода в один из подмосковных интернатов для детей с проблемами зрения. Там в результате специальных занятий девочка даже начала ходить в школу.

Нельзя сказать, что администрация и персонал Разночиновского интерната стремились причинить Кристине зло или как-то особенно пренебрегали ею. По всей видимости, они полагали происходящее с ребенком естественным проявлением умственной отсталости, с которым ничего невозможно сделать, особенно в условиях нехватки квалифицированных дефектологов и других специалистов. Вместе с тем, оставаясь Кристина в Разночиновке, она вполне могла бы погибнуть.

Именно поэтому эксперты из общественных организаций, занимающихся проблемами сирот и детей-инвалидов, призывают не столько к наказанию директоров и сотрудников интернатов, сколько к реорганизации системы государственного попечения о больных детях. А такая

реорганизация невозможна без отказов от стереотипов и изменения представлений о том, что такое права инвалидов и как их обеспечить.

Пересмотр взглядов на права детей-инвалидов также должен затронуть работу правовых механизмов, которые контролируют соблюдение прав детей или могут влиять на их судьбу. В частности, это касается судов, которые порой демонстрируют удивительный формализм при рассмотрении вопросов, касающихся детей с физическими и психическими ограничениями.

Примером такого формального подхода стала позиция судов все той же Астрахани по делу Рамазана Серажитдинова. Рамазан, с рождения страдавший серьезными расстройствами здоровья, был оставлен родителями, которые оказались неготовыми заботиться о нем. Проведя первые месяцы жизни в больницах, он был передан под опеку Вере Дробинской. Рамазан прожил в семье опекуна более девяти лет, когда по решению суда его вернули кровным родителям, с которыми он до этого практически никогда не общался⁶. Суд мотивировал свое решение тем, что ребенок имеет право на семью. То, что для Рамазана привязанность к опекуну могла быть более значимой, чем биологическая семья, суд во внимание принимать не стал. Также суд не обратил внимания на заключения психиатров, дефектологов и психологов о том, что Рамазану, страдающему от ДЦП, заболеваний суставов и умственной отсталости, испытывающему сложности с освоением новой обстановки и налаживанием коммуникации с новыми людьми, помещение в родительскую семью может просто повредить.

Фактически, при решении вопроса о возврате Рамазана родителям суд оперировал понятием права на семью, не учитывая личную историю и инвалидность ребенка. Суд, рассматривавший иск о праве бывшего опекуна на общение с Рамазаном, напротив, решил, что в силу умственной отсталости и проблем со здоровьем ребенок не может испытывать привязанность к человеку, с которым вместе прожил столько лет, и поэтому в подержании контактов с бывшим опекуном не нуждается. Причем этот вывод был сделан без привлечения психиатров или специалистов по детскому развитию. То есть, понимание реальных потребностей ребенка было заменено стереотипными представлениями об инвалидности.

Если судьи не откажутся от подобного рода стереотипов и формализма, судебные механизмы защиты прав вряд ли смогут работать в интересах детей-инвалидов.

¹ Интервью со специалистом по семейному устройству детей, психологом Людмилой Петрановской – <http://www.regnum.ru/news/accidents/1388965.html>

² См. сообщение информационного агентства «Высота 102» – <http://v102.ru/society/25253.html>

³ См. <http://kp.ru/online/news/877593/>

⁴ См. личный блог Веры Дробинской <http://drobinskaja.livejournal.com>

⁵ См., в частности статью «Живые, но мертвые» // Московский Комсомолец № 25600 от 25 марта 2011 г.

⁶ См., в частности, краткое описание дела на сайте Радио «Свобода» – <http://www.svoboda.com/content/blog/2128929.html>

Обращения заявителей в Фонд рассматриваются Правлением Фонда. Правление принимает решение о том, берется ли дело, с которым обратился гражданин, в производство Фонда. После положительного решения Правления над делами работают юристы Фонда, а также адвокаты, которых приглашает Фонд для защиты заявителей. Нередко Фонд самостоятельно предлагает гражданам официально обратиться за помощью. Обычно это происходит в случаях, когда СМИ публикует историю нарушения прав человека: эксперты фонда связываются с человеком, чья история была рассказана СМИ, через журналистов. Сейчас также все чаще журналисты сами обращаются в Фонд в случаях, когда их внимание привлекают ставшие им известные истории конкретных людей.

Героин и героиня

Светлана Рейтер, «Эсквайр», специально для бюллетеня Фонда «Общественный вердикт»

Дело жительницы города Смоленска Таисии Осиповой – пример того, что следствию действительно может быть позволено все. А обвиняемой – ничего.

Эта история началась 23 ноября 2010 года, когда в квартиру, где проживала Осипова и ее пятилетняя дочь Катрина, ворвались милицейский спецназ и сотрудники Центра «Э». Осиповой сковали руки наручниками. Отбрали телефон, чтобы не дать позвонить адвокату. Руководивший обыском сотрудник потребовал, чтобы Осипова позвонила мужу и пригласила его срочно приехать в Смоленск. За это оперативник пообещал не арестовывать девушку. Осипова отказалась звонить мужу, в результате чего была задержана и против нее было возбуждено уголовное дело «за попытку сбыта и распространения наркотических веществ».

Оперативникам было нужно, чтобы Таисия позвонила своему мужу. Муж Осиповой, Сергей Фомченков, является членом исполнительного комитета партии «Другая Россия» и партийной работой занимается уже много лет. «В последние полтора года, до ареста Таисии, – говорит Сергей, – меня какие-то правоохранительные органы в Смоленске очень искали, и мне не хотелось там появляться. Жена с ребенком ко мне в Москву приезжали, а я не имел никакой возможности из города выехать».

Сама Осипова тоже состояла в «Другой России», но в последние два года, в связи с хлопотами по воспитанию дочери, от партийных дел отошла, предпочтя политическим заботам обязанности более очевидные – материнские. Но ее муж по-прежнему состоит в партии.

Сейчас Фомченков восстанавливает хронику событий. Примерно за месяц до ареста, в октябре 2010 года, жена

Фото: Дженни Курпен

позвонила ему и сказала, что некая ее подруга, М., ранее «имевшая судимость по 228-й (наркотической) статье и соответствующие отношения с правоохранительными органами», утверждает, что «старые связи» из милицейской среды настаивают на том, чтобы в отно-

шении Таисии была совершена провокация. А именно: М. должна сообщить в правоохранительные органы о том, что приобретала у Осиповой героин.

Ни Таисия, ни Сергей не восприняли это заявление всерьез: «Казалось бы, у нас был опыт политической работы и общения со следственными органами, но мы надеялись, что пронесет. Я предложил Таисии срочно уехать из города, но она отказалась». Надежда не оправдалась.

В воскресенье М. опять пришла к Таисии: «Мне сказали: «Как угодно, но чтобы был арест». «И тут, – добавляет Фомченков, – мы уже почувствовали, что все действительно очень серьезно».

Уже через два дня у Сергея пропала связь с женой. Вечером того же дня

Протокол обыска вызывает очень большие нарекания, он полностью не соответствует уголовно-процессуальному закону

Таисия позвонила мужу из милиции и сообщила, что в дом подкинули наркотики.

Вся операция, поясняет Сергей, выглядела так: «Оперативники ворвались в квартиру, оттащили Катрину в ванную, а Тасю провели в комнату. Тася спросила: «Что вы за цирк здесь устраиваете?». А оперативник Савченков с порога Таисии заявил: «Звонишь мужу, чтобы он выезжал в Смоленск. Если он выезжает, то весь цирк прекратится. Нам достаточно подтверждения, что он выехал, и тогда мы тебя трогать не будем».

Когда Таисия отказалась звонить мужу, оперативники начали обыск, во время которого совершенно бесконтрольно передвигались по дому. Затем они пошли на кухню и вытащили из комода свертки и пятисотрублевую купюру.

Таисию повезли в отделение милиции, а ребенка передали сестре Фомченкова.

«На каком основании проходил обыск, вообще непонятно, – возмущается Фомченков. – М. приезжала к Таисии, рассказывала истории о провокации, а уголовное дело основано на показаниях некоего засекреченного свидетеля, который утверждает, что «приходил к Таисии за наркотиками и покупал у нее героин». Сергей подозревает, что засекреченный свидетель и есть та самая М., и «вот эти страшные истории, которые она Таисии рассказывала, были потом в милиции оформлены как покупка наркотиков. А может быть, свидетель – вообще какой-то несуществующий персонаж: личность ее неизвестна, никто ее не видел, но известно, что она дала показания о том, что «раньше работала с сотрудниками правоохранительных органов и ее пригласили участвовать в контрольной закупке знакомые сотрудники милиции. А Таисии сказали, что у нее в течение месяца совершались контрольные закупки героина».

В качестве понятых были привлечены активистки движений «Наши» и «Молодая Гвардия Единой России». Понятые в суде пояснили, что учатся в различных смоленских учебных заведениях, сотрудничают с Центром по борьбе с экстремизмом и помогают выявлять студентов с оппозиционными политическими взглядами.

Уголовное дело завели по части 3 статьи 228 Уголовного кодекса. Статья предусматривает срок наказания от 8 до 20 лет лишения свободы.

Единственное объективное доказательство со стороны обвинения – это видеосъемка обыска. А на пленке, утверждает Фомченков, прекрасно видно, что оперативники в момент обыска находятся на кухне, а понятые –

Единственное объективное доказательство со стороны обвинения – это видеосъемка обыска. А на пленке, утверждает Фомченков, прекрасно видно, что оперативники в момент обыска находятся на кухне, а понятые – в комнате

в комнате: «Понятно, что оперативники эти наркотики сами положили и сами же изъяли».

Следствие по делу Таисии было закончено в рекордно короткие сроки и в конце декабря передано в Западный суд Смоленска. На суде Таисию защищает Наталья Шапошникова, адвокат коллегии № 2 Смоленска, которая считает, что «большая часть доказательств по делу Таисии Осиповой добыта с нарушением уголовно-процессуального закона и, как говорят юристы, «является недопустимой». Так что можно вести речь о том, что эти доказательства – шаткие, грубо говоря, сфабрикованные».

По мнению Шапошниковой, «контрольные закупки совершали не специальные организации Госнарконконтроля, которые занимаются такой категорией дел, а Центр по борьбе с экстремизмом. Говорить о направленности их умысла я не могу, но предполагаю, что мотивом этих закупок и последующего задержания Таисии являлось не установление источника сбыта наркотических средств, а ее отношения с определенной политической партией. Протокол обыска вызывает очень большие нарекания, он полностью не соответствует уголовно-процессуальному закону».

«Свидетель обвинения, – под-

тверждает Шапошникова, – засекречен, и никто его не видел. У нас вообще в Смоленске принято зашифровывать свидетелей по ряду дел. И в этом случае – тоже. Внешность свидетеля установить невозможно, он допрашивается без подсудимой, сама она не видит, как ему задают вопросы. Процедура выглядит так: секретарь суда оглашает показания зашифрованного свидетеля на слушании, обвиняемая задает свои вопросы, и эти вопросы доводятся до него. То есть суд удаляется в отдельное помещение, где сидит этот свидетель, одетый таким образом, что внешность его полностью скрыта. Мы можем только установить его пол – так, по одному из эпизодов дела Таисии свидетелем выступает мужчина, а по трем – женщина».

Шапошникова сетует на то, что «эту распространенную в Смоленске практику не отрицает областной суд, дела с подобными допросами проходят через кассационную коллегию, и приговоры по ним остаются в силе. Каждый раз перед допросом такого свидетеля мы заявляем ходатайство с просьбой рассекретить личность свидетеля, но суд отказывает в удовлетворении этих ходатайств, ссылаясь на программу по защите свидетелей».

Все время, пока идет суд, Осипову держат в СИЗО № 1 Смоленска. И тут начинается другая история.

Осипова страдает целым рядом серьезных заболеваний: сахарный диабет первого типа, панкреатит, хронический пиелонефрит, хронический токсико-аллергический гепатит. Диагноз «сахарный диабет 1 типа» был поставлен Осиповой в 2005 году, когда она находилась в родильном отделении Клинической больницы скорой медицинской помощи Смоленска. Согласно заключению врачей от 2005 года, Осипова нуждается в лечении инсулином. В декабре в СИЗО у Таисии случилось несколько приступов гипогликемии.

Тем не менее тюремные врачи к ней не приходили, ее игнорировали, пока Фомченков не написал обращение в Интернете.

Несмотря на то что заболевания Таисии категорически не предполагают содержания под стражей, на сегодняшний день медицинского освидетельствования Таисии Осиповой проведено не было. Шапошникова утверждает, что было принято решение гражданского суда о проведении СИЗО № 1 города Смоленска медицинского освидетельствования Таисии в Смоленском эндокринологическом центре, чтобы определить, какова тяжесть ее заболевания: «Во-первых, ее заболевание предполагает строгое соблюдение диеты, а она не может получать в СИЗО правильное

Согласно заключению врачей от 2005 года, Осипова нуждается в лечении инсулином. В декабре в СИЗО у Таисии случилось несколько приступов гипогликемии

питание. Таисия жалуется на постоянное ухудшение здоровья. Ее заболевание подтверждается как рядом медицинских документов, так и генетически – оба ее родителя болели диабетом и от него же умерли. Условия содержания под стражей оказывают определенное влияние на ее состояние». Но освидетельствования нет.

Со слов жены Сергей знает, что ей периодически бывает плохо, а получить квалифицированную медицинскую помощь в СИЗО нереально. «Тася два месяца добивалась проведения УЗИ, которое, в итоге, провели, максимально фальсифицировав результаты: ни с того ни с сего поднялась опущенная почка и пропал загиб желчного пузыря».

Эрнест Мезак, юрист фонда «Общественный вердикт», навещал Таисию в СИЗО № 1. Она выглядит подавленной: отечная, заторможенная, чувствуется, что она серьезно больна. Мезак поясняет: «У меня есть доверенность на право представления Таисии в Европейском Суде по правам человека, и я обратился к судье Евгению Дворянчикову, ведущему дело Осиповой, за разрешением на свидание с Таисией. Он мне сразу сказал, что на правах адвоката он допустить меня не сможет, и разрешил мне свидание в общем порядке, предупредив, что, встретившись со мной, Таисия будет лишена очередного свидания с родственниками или близкими».

Мезак увидел Таисию 31 марта 2011 года. Их свидание продолжалось полтора часа, после чего в достаточно грубой форме было прервано оперативником. Дело Таисии, уверен Эрнест, это «стандартный пример того беспредела, с которым сталкивается больной заключенный, попадая в СИЗО. Он – бесправен. Если вдруг выяснится, что

На встрече с членами Общественной палаты РФ 20 января 2011

«Надо сделать все, чтобы суд был максимально независимым от властей и в то же время абсолютно зависим от общества».

Таисия тяжело больна, то встанет вопрос о том, чтобы ее отпустить».

Сейчас Мезак готовит жалобу в Европейский Суд по правам человека: «В нашей жалобе будет несколько аспектов. Во-первых, неудовлетворительное содержание в СИЗО, где в камерах вместо двух содержится по шесть человек, которые спят «валетом». В женском корпусе СИЗО – мужские смены, и, соответственно, охранники подсматривают за девушками. Вместо тюремного дворика – небольшая камера без крыши. Второй пункт – отказ властей в проведении нормального медицинского освидетельствования. У нас тюремная медицина обслуживает органы следствия, и Осиповой не дают глюкометр и отказывают в выдаче необходимого ей по медицинским показаниям препарата «Глюкофаж». Позиция у суда такая: мы не медики, мы не знаем, что с ней происходит. Но медиков, однако, никто не зовет».

Третий аспект жалобы, объясняет Мезак, это нарушение правил перевозки в суд: «Таисию, девушку крупного телосложения, возят на слушания в «стакане», что для нее мучительно».

Впрочем, эта попытка скоро закончится, и начнется другая. Слушания по делу

завершаются, и скоро начнутся прения. Мезак предполагает, что в течение этого месяца Таисии вынесут обвинительный приговор: «К следствию был привлечен отдел по борьбе с экстремизмом и добровольные помощники прокремлевских движений. Весь комплекс этих причин дает основания предполагать, что оправдательный приговор по делу Таисии будет чем-то из области фантастики». На очередном заседании суда Таисию отказались отпустить под подписку о невыезде. Основание: «Не проведено медицинское освидетельствование».

Еще будут, как минимум, два заседания, на которые Шапошникова планирует вызвать двух свидетелей, которые пока добровольно не являлись. Наталья добилась, чтобы их доставили в суд принудительно. Один из свидетелей – та самая М., которая сообщала Таисии о готовящихся против нее провокациях.

Шапошникова не верит в вину своей подзащитной, но ей «трудно делать прогнозы». Она полагает, что «по ряду статей оправдательный приговор лежит на поверхности, но мы все знаем, что оправдательные приговоры случаются крайне редко, в особенности по этой статье».

Пока верстался номер...

Ленинский районный суд города Смоленска удовлетворил иск Таисии Осиповой к администрации СИЗО (учреждение ФБУ ИЗ-67/1 УФСИН России по Смоленской области). Суд обязал администрацию СИЗО обеспечить проведение Осиповой обследования по диагнозу «сахарный диабет» в Смоленской областной клинической больнице.

6 июля 2011 года заключенная под конвоем была отправлена из СИЗО в больницу. О том, как проходила процедура освидетельствования, сообщил супруг Осиповой Сергей Фомченков: «Вывезли Таисию из тюрьмы утром 6 июля, без предупреждения, не дав даже позавтракать, в наручниках. При этом конвой был из семи человек. Полетаев (главный тюремный медик) не дал Таисии взять с собой никаких вещей (даже зубную щетку) и продуктов из камеры. На ночь Таисию в больнице приковывали наручниками к кровати. Днем их тоже не снимали. Даже в туалет она ходила только в них. В палате с ней рядом постоянно находились две конвойные. Помимо этого напротив кровати установили видеокамеру, изображение с которой выводилось на монитор, находившийся в коридоре, где сидели еще конвоиры.

Сопровождавший Осипову главный тюремный медик постоянно говорил врачам, что Таисия симулирует свою болезнь,

что она наркоманка и у нее гепатит С. Гепатита у Осиповой, тем не менее, не выявили и даже подтвердили другие ее диагнозы, которые в СИЗО отрицали. Это заболевания почек, панкреатит и т. д.

Все обследование заняло полтора дня, хотя положено не менее пяти. Врачи говорили, что им поставлена задача успеть составить заключение к ближайшему заседанию суда, на котором должен был решаться вопрос о продлении меры пресечения».

Результаты медицинского обследования не выявили у Осиповой признаков сахарного диабета, из чего возможно сделать вывод о том, что или за время пребывания в Смоленском СИЗО Осипова чудесным образом исцелилась от хронического заболевания, которое было у нее обнаружено еще в 2005 году, или результаты медосвидетельствования не соответствуют действительности.

По результатам обследования Осиповой была рекомендована специальная диета и повышенная физическая активность.

Спецоперация ПО МЕДИЦИНСКИМ ПОКАЗАНИЯМ

Георгий Ильичев, «Новая газета», специально для бюллетеня Фонда «Общественный вердикт»

7 июля пошел шестой год с того дня, как в Москве, в своей квартире, при попытке госпитализации смертельные травмы получил известный экономист, автор классической в своей области работы «Бюджетирование деятельности на предприятиях РФ» Кирилл Щиборщ. Произошло это в результате его «общения» с четырьмя бойцами отряда милиции специального назначения (ОМСН), которые, грубо нарушив законодательство, самостоятельно, без участия медицинских работников, пытались доставить 38-летнего ученого в «Кашенко» (психиатрическую больницу № 1 имени Н.А. Алексеева).

В худших традициях отечественной правоприменительной системы дело по факту превышения сотрудниками милиции должностных полномочий и причинения телесных повреждений, повлекших смерть человека, за прошедшие пять лет прекращалось «за отсутствием состава преступления» семь раз. И каждый раз возбуждалось вновь – по требованию родителей.

Последний отказ на том же основании из Следственного отдела СКР Симоновского района города Москвы датирован 17 апреля 2010 года. А тем временем жалоба родителей Кирилла Щиборща, убежденных в том, что 7 июля 2006 года в результате действий бойцов ОМСН было нарушено главное право их сына – право на жизнь, и отчаявшихся добиться эффективного расследования в России, еще три года назад была зарегистрирована в Европейском Суде по правам человека. И еще неизвестно, какое судопроизводство вынесет вердикт первым: отечественное или международное. В любом случае, затягивание расследования, волокита и попытка увести от ответственности людей в погонах налицо.

Камнем преткновения является один единственный вопрос: погиб Щиборщ в результате кровопотери, которую вызвал у себя сам с помощью ножа, или из-за черепно-мозговой травмы, полученной от рук бойцов спецподразделения. Результаты проведенных экспертиз каждая из сторон трактует в свою пользу. По словам юристов Фонда «Общественный вердикт», представляющих интересы Валентины Кузьминой, матери погибшего, сейчас, после очередной

Фото: www.spec-naz.org

жалобы, расследование снова возобновлено.

Повторная экспертиза проводится подальше от Москвы, в Барнауле. От ее результатов и будет зависеть дальнейшая судьба людей, штурмовавших квартиру экономиста. И судьба его матери, для которой их наказание является единственной целью жизни. Потому что, вне зависимости от того, как в итоге будет решен вопрос о причине смерти Щиборща, бойцы и их руководители,

в отличие от погибшего, неоднократно грубейшим – если не сказать вопиющим – образом сами нарушили закон. И должны нести за это ответственность, от которой коллеги их всячески оберегают.

А как иначе можно назвать действия правоохранителей, которые за прошедшие пять лет шесть раз передавали дело Щиборща от одного следователя к другому, и разбирательство каждый раз начиналось заново? А четверо бойцов, штурмовавших квартиру экономиста, первые три года следствия официально считались «неустановленными лицами». Хотя с самого начала было известно, что речь шла о служивших в 5-м отряде ОМСН при ГУВД Москвы капитане милиции Сергее Д. и Евгении С., а также майорах Валерии Б. и Сергее Х.

Ведь вот как дело было

По словам коллег и издателей его работ, Кирилл Щиборщ был, без натяжек, выдающимся специалистом. Главный редактор издательства «Дело и сервис» Александр Денисов вообще называет его гением, подчеркивая феноменальные аналитические способности экономиста, с которым несколько лет сотрудничал. Сам Щиборщ работал в группе МВС, специализирующейся на аудите и консалтинге. Кирилл пользовался серьезным научным авторитетом,

За прошедшие пять лет шесть раз передавали дело Щиборща от одного следователя к другому, и разбирательство каждый раз начиналось заново. А четверо бойцов, штурмовавших квартиру экономиста, первые три года следствия официально считались «неустановленными лицами»

Существуют расхожий стереотип, что люди, страдающие психическим расстройством, не способны к обычному, считающемуся нормальным, образу жизни и занятости.

И в целом часто ставится знак равенства между психическим расстройством и дееспособностью. Это глубоко неверно и попросту неправда

и коллеги ждали от него еще многого. Кирилл страдал психическим расстройством и состоял на учете в психоневрологическом диспансере (ПНД). Это обстоятельство не мешало ему работать и совершать в экономической науке прорывы, которые существенно влияли и на экономическую практику.

Существуют расхожий стереотип, что люди, страдающие психическим расстройством, не способны к обычному, считающемуся нормальным, образу жизни и занятости. И в целом часто ставится знак равенства между психическим расстройством и дееспособностью. Это глубоко неверно и попросту неправда. Психическое расстройство, если оно есть, сопровождает человека в его жизни, как и общесоматические заболевания. И оно требует такого же наблюдения и лечения, как и другие заболевания. Наибольшее внимание врачей необходимо в периоды обострения психического расстройства. А так люди, имеющие то или иное расстройство психики, живут такой же жизнью, как и все остальные, и лечатся амбулаторно.

Обострение болезни началось у Щиборща еще в начале 2006 года. Однако идти к врачу он категорически не хотел. Проблема была еще и в том, что он жил в Москве, а его родители – в Дубне. На все попытки последних вызвать Кириллу врача на дом он отвечал, что никого не пустит, и запирается в квартире. По словам матери, психиатры, у которых Щиборщ до этого наблюдался, были готовы положить его в больницу, но категорически отказывались предпринимать какие-то действия, если больной не открывает им дверь. В какой-то момент, понимая, что состояние сына с каждым днем ухудшается, и желая ему помочь, отец Щиборща обратился в милицию с просьбой оказать помощь в так называемой «недобровольной госпитализации» Кириллы.

Согласно закону «О психиатрической помощи и гарантии прав граждан при ее оказании» она возможна только по решению суда. Суд, решая вопрос об обоснованности лишения свободы (а недобровольная госпитализация, по сути, таковой является), должен оценивать, есть ли основания для того, чтобы

помещать человека в стационар. Таких оснований три, и все они не касаются оценки психического состояния человека, а оценивают именно последствия, которые могут быть, если его не госпитализировать. Ведь лечиться можно и вне стационара.

Следует отметить, что за все это время никаких жалоб на поведение Щиборща от его соседей не поступало, а сам он вреда своему здоровью не причинил. Это кстати, ставит вопрос о действительной необходимости недобровольной госпитализации. Потому что единственное исключение из правил, когда больно может быть госпитализирован без его согласия и до судебного постановления, по закону возможно, только когда он «представляет непосредственную опасность для себя или окружающих или может быть причинен существенный вред его здоровью вследствие ухудшения психического состояния». Далее, в соответствии с законодательной процедурой, дело и заключение врачей передается в суд, который уже решает, есть ли основания для недобровольной госпитализации или нет.

Да, Кирилл отказывался добровольно лечиться в больницу, но никакого криминала в его действиях не было. Именно родители решили, что госпитализировать сына нужно, и сами настояли на недобровольном порядке госпитализации с привлечением сотрудников милиции.

- Сейчас я бы ни за что их не вызва-

В какой-то момент, понимая, что состояние сына с каждым днем ухудшается, и желая ему помочь, отец Щиборща обратился в милицию с просьбой оказать помощь в так называемой «недобровольной госпитализации» Кириллы

ла, – говорит мать Щиборща. – Пусть бы он лучше сходил с ума, запершись в квартире, чем то, что в результате произошло.

Больше того, на многочисленные обращения его отца в местное ОВД района «Нагатинский затон» с просьбой сопроводить бригаду врачей ему каждый раз отвечали отказом «за отсутствием возможности». Но 7 июля 2006 года возможность, наконец, появилась.

Произошедшая затем трагедия продолжалась два часа. А началась она с того, что замначальника милиции общественной безопасности ОВД Ромадинов не стал, как требует закон, первым делом вызывать неотложную психиатрическую помощь, а взял решение проблемы на себя и направил по адресу экономиста наряд. Прибывшие вместе с отцом Щиборща к его квартире трое милиционеров спешили поскорее исполнить предписание – доставить пациента в больницу. А он, открыв дверь, в темноте лестничной площадки принял их за бандитов, достал нож и потребовал от незваных гостей убираться, однако никаких действий дальше в отношении них не предпринимал. В ответ один из служителей закона, не имевший, как он впоследствии признал, никакого опыта общения с психиатрическими больными, наставил на Щиборща пистолет и потребовал убрать нож. А другой, столь же «подготовленный» к данной ситуации, попытался резиновой дубинкой выбить его из руки хозяина квартиры.

Завязалась потасовка, из которой вооруженный пистолетом милиционер вышел со слегка порезанной рукой, а сам Щиборщ сумел закрыться в квартире. Там он, по-прежнему убежденный в том, что происходящее – бандитский налет, первым делом вызвал по телефону милицию и «скорую помощь», несколько раз выбежал на балкон с криком «Люди, спасите, меня убивают!», а потом забаррикадировался на кухне.

Тем временем оконфузившиеся милиционеры вызвали своего начальника Ромадинова. Прибыв на место, тот взял командование операцией на себя и, наконец, дал указание дежурному по ОВД вызвать бригаду неотложной психиатрической помощи. Третью «скорую» вызвали родители Щиборща (его мать звонила по 03 восемь раз). Но пока все три бригады медиков съезжались на место происшествия, раньше них туда прибыли четверо специально подготовленных милицейских бойцов, экипированных для штурма квартиры с захваченными там террористами.

Это было уже вторым грубейшим нарушением закона (первое – попытка правоохранителей решить вопрос без участия врачей). Дело в том, что работа

отряда милиции специального назначения направлена на пресечение преступлений террористической и экстремистской направленности, а также на борьбу с незаконными вооруженными формированиями. Для этого бойцы ОМОН и готовят, прививая им специфические навыки. Однако никакими умениями по задержанию психически больных лиц они не владеют, а потому делать им у квартиры Щиборща в тот день было совершенно нечего. Кроме того, вызвал их на подмогу вовсе не Ромадинов, который на тот момент, единственный из милицейского начальства, был полностью знаком с ситуацией, а вышестоящие руководители.

Ну а затем произошло третье нарушение писанных правил, которое и закончилось трагедией. Не имея на то никаких прав и оснований, бойцы ОМОН взяли квартиру штурмом. Дело заняло две минуты. Как именно они скрутили по-прежнему принимавшего их за бандитов пациента, никто не видел. Однако через 40 минут впавший в результате спецоперации в кому Щиборщ скончался.

Последующие пять лет прошли банальнейшим для России образом. Одна за другой проводились экспертизы. Часть из них приходила к выводу о том, что экономист погиб от потери крови (то есть сам себя зарезал). Другая часть свидетельствовала, что всему виной «массированная черепно-мозговая травма, сопровождавшаяся переломами костей черепа, ушибом головного мозга и кровоизлияниями под его оболочкой». Причем нанесена она была «тупыми твердыми предметами», предположительно, «ногами, обутыми в ботинки» (об этом говорит, в частности, независимая экспертиза, проведенная при участии нейрохирурга, доктора наук, профессора В. Лебедева).

В Российском центре судебно-медицинской экспертизы успело смениться руководство, пока очередное исследование не пришло к окончательному выводу, что причиной смерти Кирилла Щиборща стала все-таки открытая непроницающая черепно-мозговая

Закон РФ "О психиатрической помощи и гарантиях прав граждан при ее оказании"

Статья 29. Основания для госпитализации в психиатрический стационар в недобровольном порядке.

Лицо, страдающее психическим расстройством, может быть госпитализировано в психиатрический стационар без его согласия или без согласия его законного представителя до постановления судьи, его обследование или лечение возможны только в стационарных условиях, а психическое расстройство является тяжелым и обуславливает:

- а) его непосредственную опасность для себя или окружающих, или
- б) его беспомощность, т.е. неспособность самостоятельно удовлетворять основные жизненные потребности, или
- в) существенный вред его здоровью вследствие ухудшения психического состояния, если лицо будет оставлено без психиатрической помощи.

травма. Больше того, на кухне в квартире покойного была обнаружена ножка от стола, на которой, согласно заключению биологической экспертизы, с вероятностью 99,9% обнаружены фрагменты кожи и волос с головы Щиборща.

Три с половиной года после смерти сына родители Щиборща настаивали на проведении комплексной экспертизы останков погибшего, которая и должна была снять последние вопросы. Хотя провести ее можно было бы и за несколько недель после трагедии, если бы люди, для этого уполномоченные, руко-

водствовались бы правом, а не личными и корпоративными интересами.

Сначала бойцы ОМОН настаивали на том, что Щиборщ во время штурма сам нанес себе ранения, потом – что падал на спину и порезался до смерти. Потом, под давлением улик, появилась версия, что он упал и ударился головой. Их старшие товарищи были менее изобретательны. По словам Кузьминой, уже через неделю после возбуждения уголовного дела прокурор Симоновского района Иванов, смеясь ей в лицо, сказал: «Ничего вы не добьетесь». А в ответ на многочисленные жалобы о затягивании расследования начальник следственного отдела Симоновского района Степанов любил отвечать: «Жалуйтесь хоть на Луну».

Ситуация изменилась только осенью прошлого года, когда скандальное дело перешло в ведение отдела по особо важным делам Следственного комитета. Там, по словам Кузьминой, сразу обнаружили «массу косяков» во время предыдущих этапов расследования и дали согласие на проведение той самой комплексной экспертизы, которая и должна расставить все по местам. Сейчас она как раз проводится, а тем временем решение Европейского Суда по правам человека по делу может быть вынесено уже этой осенью.

Не имея на то никаких прав и оснований, бойцы ОМОН взяли квартиру штурмом. Дело заняло две минуты. Как именно они скрутили по-прежнему принимавшего их за бандитов пациента, никто не видел. Однако через 40 минут впавший в результате спецоперации в кому Щиборщ скончался

Просроченный перелом

Елена Шмараева, «Газета.ру», специально для бюллетеня Фонда «Общественный вердикт»

Весной 2011 года подмосковные следователи в очередной раз отказались возбуждать уголовное дело против организаторов соревнований по скалолазанию, во время которых полу-

чила травму 8-летняя школьница Маша Нистратова. Она сломала руку два года назад на скалодроме: девочку должен был страховать кто-нибудь из взрослых, но ни тренер, ни организаторы

соревнований за этим не проследили. Сейчас Маше уже 10 лет, рука зажила и восстановилась после двух перенесенных операций. Вместо компенсации родители девочки получают один отказ

Последний раз следователи написали, что не могут возбудить дело против судьи соревнований, потому что по нему скоро истечет срок давности

за другим: в последний раз следователи написали, что не могут возбудить дело против судьи соревнований, потому что по нему скоро истечет срок давности. Юристы называют такое объяснение «издевательским» и снова подают жалобу.

Соревнования по боулдерингу — разновидность скалолазания на небольших высотах — проходили в школе № 6 города Дзержинского Московской области 19 апреля 2009 года. 8-летняя Маша Нистратова к тому времени занималась на скалодроме уже около полугода, вспоминает ее мама, Марианна Нистратова. Она находилась в зале во время выступления дочки. Когда девочка была на высоте примерно трех метров, руки соскользнули, она сорвалась и упала вниз. Подхватить Машу никто не смог — рядом не было взрослых.

«Это такая разновидность скалолазания, во время которой не используются веревки, но обязательна гимнастическая страховка: под каждым ребенком должен быть стоять взрослый страховщик, чтобы его буквально поймать, если что», — объясняет Марианна Нистратова, которая теперь точно знает, как все должны были устроить организаторы. Тогда она вместе с другими родителями смотрела, как дети карабкаются по стенам без стоящих поблизости взрослых. Машу должен был страховать какой-то 13-летний мальчик, участник этих же соревнований, но он отошел. «Она от усталости соскользнула с зацепа и падала с потолка под углом 45 градусов. Рост у Маши был тогда примерно метр десять, то есть она летела с высоты в три ее роста», — рассказывает Нистратова-старшая.

Всем весом девочка упала на руку, которая сломалась в двух местах: закрытый перелом плечевой кости со смещением и закрытый перелом лучевой кости со смещением, констатировали врачи. Из спортзала в подвале школы № 6 Машу увезли в Люберецкую детскую больницу, сотрудники которой сообщили о случившемся в милицию. Врачи квалифицировали полученную школьницей травму как тяжкий вред здоровью. «Ее два раза оперировали. Сначала сказали, что в полном объеме рука не восстановится, — вспоминает мама Маши. — Месяцев семь в итоге ушло на упражнения, восстановление. А потом Маша просто сама стала лазать по деревьям, и рука стала укрепляться быстрее». В апреле 2009 года, не зная, какими последствиями для дочери обернется это падение, Марианна Нистратова написала заявления в милицию и прокуратуру.

Мама пострадавшей девочки и фонд «Общественный вердикт», юристы которого взялись представлять

интересы Нистратовых, требовали привлечь к уголовной ответственности организатора и судью соревнований Алексея Соловьева. «Он был и организатором соревнований, и арендатором скалодрома, и главным судьей, еще и председателем Федерации скалолазания Московской области представлялся. Но выяснилось, что это не так, — говорит Марианна Нистратова. — Единственным итогом стало то, что скалодром этот закрыли и к работе с детьми в скалолазании этот Соловьев больше никакого отношения не имеет».

По словам матери пострадавшей девочки, ни организатор соревнований, ни тренер Любовь Алексеева, у которой занималась Маша, не были достаточно компетентны, чтобы тренировать детей, а сам скалодром в школе № 6 работал «без документов». «Я была уверена, что этот скалодром — муниципальный, его по городскому телевидению активно рекламировали, представители администрации призывали всех туда идти. В школе, где он находился, даже часть уроков физкультуры там проводилась», — рассказывает Нистратова-старшая. После несчастного случая на соревнованиях она требовала не только завести уголовное дело на организаторов, но и проверить сам скалодром.

Выяснилось, что в соревнованиях по боулдерингу не должны были участвовать дети младше 14 лет — а Маше Нистратовой и ее соперникам было всего по восемь. С документами у арендаторов скалодрома тоже оказалось не все в порядке. «Когда все это началось, я выяснила, что наши местные депутаты уже год пытаются добиться от администрации ответа, кому этот скалодром принадлежит. Кроме того, на мой запрос среагировал Роспотребнадзор, который направил документы уже в прокуратуру, и она скалодром в итоге закрыла», — рассказывает Нистратова-старшая. Произошло это примерно через полгода после злополучных соревнований, о закрытом прокуратурой скалодроме даже написали местные газеты. Что до уголовного дела на организаторов соревнований, то его к тому времени так и не завели: «В прокуратуре мне теперь отвечают в таком тоне: что, мол, вам еще надо, и так из-за вас проверки устраиваем», — говорит мама пострадавшей.

Юристы семьи Нистратовых требовали возбудить дело по ч. 2 ст. 293 УК РФ (халатность, повлекшая по неосторожности причинение тяжкого вреда здоровью) в отношении судьи Соловьева. За подобные преступления положено до 5 лет колонии и лишение права занимать ответственные должности. «Отказ, наша жалоба, дополнительная проверка — и снова отказ, — рассказывают о судьбе заявления Нистратовых

юристы «Общественного вердикта». – Сначала говорили, что в действиях Соловьева нет состава преступления, теперь заявляют, что его нельзя привлечь к ответственности, потому что скоро истекает срок давности по делу».

Последнее подобное постановление следователь Ситникова из Следственного управления УВД Люберецкого района вынесла 19 апреля 2011 года – ровно через два года после несчастного случая и в день истечения двухлетнего срока давности. «Следствие приходит к выводу о том, что выяснить все обстоятельства вышеописанной ситуации, а именно должным образом установить причинно-следственную связь между событием получения Нистратовой М.А. травмы, повлекшей причинение тяжкого вреда здоровью последней, и действиями (бездействиями) судьи Соловьева А.В. не представляется возможным», – говорится в документе, который завершается выводом: отказать в возбуждении уголовного дела «ввиду отсутствия в деяниях Соловьева состава преступления».

«Конечно, теперь, когда срок давности действительно истек, формальные основания для отказа имеются, – признаются в Фонде. – Но дело должно быть возбуждено и закрыто по реабилитирующим основаниям. Виновность же лица – Соловьева в данном

От имени Астахова
пришел ответ, что
уполномоченный по
правам ребенка не
занимается вопросами
возбуждения уголовных
дел

случае – может и должна быть установлена. Но следствие пытается сложить с себя обязанности по установлению виновности». В Фонде объясняют, что хотя Соловьева уже невозможно привлечь к уголовной ответственности, на возмещение вреда семья Нистратовых вполне может рассчитывать, «но только после того, как установят его виновность». Сейчас юрист ждет, когда Люберецкий городской суд примет решение по очередной жалобе на отказ в возбуждении дела.

Семья Нистратовых уже не очень-то верит в возможность привлечения Соловьева к ответственности. «На нашу сторону встали все в Федерации скалолазания, они готовы были пойти в суд, выступить как профессионалы,

эксперты, объяснить, почему действия Соловьева можно охарактеризовать как халатность и что он должен был делать. Но прокуратуре это не нужно, никто просто не захотел слушать», – сокрушается Марианна Нистратова. Она намерена добиваться компенсации, но не уверена, что ее получит: «Тренер, например, даже не извинилась, какие уж тут выплаты».

Когда рука стала заживать, Нистратова-старшая, несмотря на неудачный опыт, снова разрешила дочери заниматься скалолазанием. «Я отвезла Машу в Москву, где она теперь и тренируется. Она член детской сборной команды России, едет на соревнования в предгорья Кавказа. У нее уже есть первый юношеский разряд, оформляют третий взрослый», – гордится мать успехами 10-летней скалолазки и складывает в стопку отказов и отписок очередной документ – ответ из приемной детского омбудсмена Павла Астахова. От его имени Нистратовым пришел ответ, что уполномоченный по правам ребенка не занимается вопросами возбуждения уголовных дел. «Между тренировками вожу Машу на английский, – рассказывает Марианна Нистратова. – Я так после этой истории разочаровалась в наших властях, в государстве, что не буду против, если она уедет из страны».

Вне зоны доступа

Тихон Дзядко, «Эхо Москвы», специально для бюллетеня Фонда «Общественный вердикт»

Российская правоохранительная и судебная система – как рулетка. Никогда не поймешь, как она будет работать в каждом конкретном случае, и будет ли работать вообще. Причем порой аргументами в пользу ее действия становятся исключительно субъективные факторы. Не так давно в законную силу вступил приговор в отношении милиционеров, которые избивали предпринимателя из Санкт-Петербурга Николая Предтеченского, а машину его сожгли. Расследование велось стремительно, а стражи порядка были строго наказаны – они получили по шесть лет колонии общего режима. Не исключено, что столь положительному исходу дела помог как раз фактор вполне субъективный – Предтеченский работал помощником питерского вице-губернатора. Кроме того, дело Предтеченского вели юристы Фонда «Общественный вердикт», постоянно контролируя качество расследования. В большинстве же случаев рулетка выби-

рает другой вариант – и пострадавшие от действий сотрудников правоохранительных органов, по сути, часто оказываются

лишенными доступа к эффективной защите своих прав со стороны государства.

Похоже, именно такой сценарий раз-

Милиционеры потребовали от 62-летнего мужчины выйти из бани, угрожая, что иначе они сами «выкурят» его оттуда. Один из них нашел в огороде старое ведро, залез на крышу бани и закрыл дымоход. Ведро оказалось слишком большим – дым выходил наружу. Тогда в ход пошли старая кастрюля и тряпки – труба оказалась закрытой полностью, и дым начал постепенно заполнять баню

ворачивается в деле Анатолия Рыжова, пенсионера, который погиб в результате действий милиционеров.

Рыжов, судя по тому, что о нем рассказывает его сын, был, что называется «обычным человеком». Не работал, потому что вышел на пенсию. В основном занимался огородом. Много не пил – здоровье не позволяло. По характеру – добрый и не вспыльчивый, хотя, как говорит сын, «волевой». Трижды был судим за хулиганство, один раз сидел. Последний раз его судили в середине девяностых. Судимость в России, похоже, тоже уже является нормой.

История его кончины как безобразна, так и привычна уже своим безобразием. Причем речь идет как о самом происшествии, в результате которого погиб Анатолий Рыжов, так и о том, что последовало за этим. Все произошло 2 августа 2010 года в городе Копейск Челябинской области. К участку Рыжова приехали три сотрудника милиции, перелезли через забор и стали искать хозяина. Тот, испугавшись вооруженных стражей порядка, решил закрыться в бане, которую перед этим как раз начал топить. Милиционеры потребовали от 62-летнего мужчины выйти наружу, угрожая, что если он не выполнит их требований, то они сами «выкурят» его оттуда. Пенсионер выходить отказался. Тогда сотрудники милиции решили продемонстрировать, что за свои слова отвечают – один из них нашел в огороде старое ведро, залез на крышу бани и закрыл дымоход.

Ведро оказалось слишком большим – дым выходил наружу. Тогда в ход пошли старая кастрюля и тряпки – труба оказалась закрытой полностью, и дым начал постепенно заполнять баню. Взломать дверь сотрудники правоохранительных органов решили лишь через двадцать минут – когда изнутри не доносилось уже никаких звуков. Рыжов находился без сознания, его било судорогами. Затем приехала карета «скорой помощи», которую вызвал кто-то из соседей, затем – реанимация. Это заняло около получаса. Рыжова отвезли в больницу, где он скончался. Все это известно со слов многочисленных свидетелей, которые наблюдали

за происходящим. Причем тот факт, что все делалось на глазах соседей, без попытки удалить их с места событий, примечателен сам по себе.

Казалось бы, все очевидно. И события должны были бы развиваться по четкому сценарию: следствие, суд – и приговор. Однако в реальности все оказалось совсем иначе, а что выйдет в итоге, до сих пор непонятно.

В Следственный комитет сын погибшего пенсионера Сергей Рыжов обратился уже на следующий день после случившегося. За убийство отца он просил привлечь к уголовной ответственности сотрудников милиции. Однако в возбуждении уголовного дела было отказано. Была проведена доследственная проверка, которая показала, что причин для этого нет, потому что и состава преступления нет. Патологоанатом в качестве причины смерти указал инфаркт миокарда. Каким образом экспертиза пришла к подобному выводу, остается лишь догадываться.

Пытаясь добиться возбуждения уголовного дела, Сергей Рыжов дошел до руководства Следственного комитета по Челябинской области. Только после этого его доводы были услышаны, криминалисты провели эксгумацию тела его погибшего отца, а экспертиза показала, что причиной смерти стал вовсе не инфаркт, а результат проведенного в закрытой

Вскоре после того как Анатолия Рыжова увезли в больницу, как рассказывают свидетели, милиционеры вернулись на его участок – уже в гражданской одежде. Они хотели, что называется, «замести следы» – стражи порядка отмывались от копоты

бане времени – отравление двуокисью углерода. Уголовное дело было возбуждено 21 марта 2011 года – то есть спустя более чем полгода после убийства Анатолия Рыжова. Правда, речь в возбужденном деле шла не об убийстве, а о причинении смерти по неосторожности. Да и фигурировали там некие «неустановленные лица».

Со временем ситуация изменилась. «Лиц» установили – подозреваемыми проходят три сотрудника милиции. Их фамилии Кириш, Мироненко и Родионов. В ходе следствия выяснились любопытные детали. В частности, у дома пенсионера стражи порядка появились из-за духового ружья, которое тот держал у себя и с которым ходил на охоту. Рыжова несколько раз вызывал участковый, который угрожал ему словами: «Я тебе, пересидок поганый, шею сверну». И эти заявления пенсионер воспринимал как угрозу расправы. Также интересно, что уже вскоре после того как Анатолия Рыжова увезли в больницу, как рассказывают свидетели, милиционеры вернулись на его участок – уже в гражданской одежде. Они хотели, что называется, «замести следы» – стражи порядка отмывались от копоты.

В конце июля срок следствия по делу был продлен еще на месяц – оно длится уже почти полгода. Как следует из постановления о продлении сроков, продвинулись следователи не слишком далеко. В частности, один из трех милиционеров, которые проходят подозреваемыми, до сих пор так и не был допрошен. При этом ни одному из них мера пресечения избрана не была. Не были допрошены и все свидетели событий, которые развернулись на участке Анатолия Рыжова, хотя их число не превышает двух десятков – казалось бы, не слишком значительное количество людей для пяти месяцев. Сотрудника милиции по фамилии Родионов допросить собираются лишь сейчас. Что мешало это сделать раньше – притом что, очевидно, делать это нужно было едва ли не в первую очередь – также остается загадкой. Из подобного же разряда – проведение осмотра места происшествия, бани, в которой задохнулся Рыжов. Его провели лишь после первого продления срока следствия – то есть летом, спустя три месяца после того как было возбуждено уголовное дело.

Совокупность названных и прочих других сомнительных факторов могла бы быть случайностью, но, похоже, происходящее не оставляет возможности для подобного допущения. Тем более, что, как рассказывает сын погибшего, ему и свидетелям угрожают. Об этом он заявил в прокуратуру в начале июля. Как пишет Сергей Рыжов, ему «лично угрожают, говорят, что зря взялся искать справедливость и выступать против милиции». Не так давно, как пишет Рыжов, к нему при-

ходила некая женщина по имени Любовь Ткаченко, рассказавшая, что в свое время она долго работала в правоохранительных органах. Она сказала, что Рыжов рискует и что с ним «разберутся» – у нее «дочь работает в наркоконтроле, и его накажут и тому подобное». Как говорится в заявлении потерпевшего, к Любви Ткаченко «часто приезжают милиционеры с целью, чтобы она ходила к свидетелям и подговаривала их не давать показания против милиции». Что касается свидетелей, то на них, как утверждает Рыжов, также оказывается давление.

Рыжов пишет, что «реально опасается за свое здоровье и жизнь», а также за жизнь своих близких. В этой связи тот факт, что в отношении милиционеров не избрана никакая мера пресечения, вызывает как минимум недоумение. Да и непонятно, получит ли развитие факт обращения Рыжова в прокуратуру или все на уровне заявления и останется, а никакой реакции не последует.

Дело Сергея Рыжова имеет все шансы остаться не доведенным до конца, а гибель его отца – безнаказанной, потому что срок давности по статье, по которой обвиняют сотрудников милиции, составляет два года. Это означает, что еще год волокиты, подобной нынешней, – и дело можно будет отправлять на свалку. От чего это происходит, остается только до-

Один из трех милиционеров, которые проходят подозреваемыми, до сих пор так и не был допрошен. Осмотр места происшествия, баню, провели лишь спустя три месяца после того как было возбуждено уголовное дело

гадываться. Нежелание «выносить сор из избы»? Связи подозреваемых милиционеров с теми, кто проводит следствие? Все это лишь предположения, которые, возможно, являются спекуляцией, однако спекуляцией неизбежной – ничего другого в голову попросту не может прийти.

Принципиальное отличие дела Рыжова от дела Предтеченского, которое упоминалось выше, заключается в отсутствии у сына погибшего некоторых

субъективных факторов. История о том, как предпринимателя Предтеченского стражи порядка едва не убили в лесу, получила большую огласку в сети Интернет. Его друг опубликовал историю в ЖЖ, после чего она стала активно обсуждаться в блогах и СМИ. Вышла публикация в «Новых Известиях», после которой Фонд «Общественный вердикт» через журналистов связался с потерпевшим и предложил помощь в защите прав. Свою роль, определенную, сыграло и то, что Предтеченский когда-то работал помощником вице-губернатора. У Сергея Рыжова подобных возможностей нет. Он живет в провинциальном городе. Это Челябинская область, а не Санкт-Петербург. Внимание СМИ к делу Рыжова и работа правозащитников – те возможности, которые дают ему шанс добиться справедливости.

Еще год волокиты, подобной нынешней, – и дело можно будет отправлять на свалку

СЛИШКОМ ТИПИЧНАЯ ИСТОРИЯ

Артем Костюковский, «Русский репортер» www.rusrep.ru, специально для бюллетеня Фонда «Общественный вердикт»

Случай, произошедший пять лет назад с Эдуардом Омельченко, на первый взгляд, вполне зауряден. Поздним вечером 5 апреля мужчина зашел в один из московских гипермаркетов, сделал необходимые покупки, но часть из них не оплатил. Чуткий охранник был начеку и остановил его на выходе. Нечто подобное происходит везде и постоянно. Однако продолжение этой истории вышло таким, что она не может закончиться и по сей день.

Эдуард извинился и сказал охране, что может расплатиться. Но принципиальный секьюрити был непреклонен, вызвал наряд милиции. Омельченко отвезли в ОВД Пресненского района и составили протокол об административном правонарушении. Что произошло дальше доподлинно неизвестно. Известно только, что задержанного избивали так, что тот потерял сознание, а потом повезли на медицинское освидетельствование – на предмет наличия алкогольного опьянения. По дороге Эдуард

Фото: Олег Новиков

Эдуарда обвинили в том, что тот оказал активное сопротивление охраннику, угрожал ему. Охранник, давший показания против Эдуарда, на судебное заседание не пришел, объяснив судье, что не имеет никаких претензий к подсудимому

сказал милиционерам, что непременно пожалуется врачам на побои. Его попытались разубедить – теми же методами, что и в отделе. Но непонятливый Эдуард все-таки рассказал на медосвидетельствовании о том, что его избили, врач зафиксировал травмы лица и головы. Это спровоцировало новый припадок ярости у милиционеров, избиение в милицейском «уазике» продолжилось и по дороге обратно в ОВД, причем на этот раз били уже ногами и дубинками. В милиции Омельченко стало плохо, пришлось вызвать «скорую». Врачи сразу поняли, в чем дело, убедили сотрудников отдела, что Омельченко срочно необходимо госпитализировать, но по дороге отпустили домой.

Наутро Эдуарду стало совсем плохо, он с трудом мог дышать. Мать повела его в травмпункт. Медики диагностировали у Омельченко те же травмы лица плюс сотрясение мозга и перелом нескольких ребер. Прямо из травмпункта бригада «скорой» увезла его в ГКБ им. Боткина, где Омельченко пробыл на стационарном лечении одиннадцать дней.

В милиции тем временем решили действовать по схеме «лучший способ защиты – нападение». Если первоначально в отношении Омельченко был составлен протокол об административном правонарушении, то после избиения и госпитализации было возбуждено уголовное дело по статье 130 УК РФ (оскорбление, унижение чести и достоинства другого лица, выраженное в неприличной форме). Эдуарда обвинили в том, что тот оказал активное сопротивление охраннику, угрожал ему. Охранник, давший показания против Эдуарда, на судебное заседание не пришел, объяснив судье, что не имеет никаких претензий к подсудимому. В итоге государственный обвинитель отказался от обвинения, т.к. уголовное дело по данной статье считается делом частного обвинения, т.е. возбуждается только по заявлению потерпевшего.

По словам Омельченко, один из крупных чинов, работавший в Пресненском ОВД, посоветовал ему «тихо лечиться и никуда не ходить». Однако Эдуард не прислушался к совету. Мать Омельченко, представляя интересы сына, все-таки обратилась с жалобой

на действия сотрудников ОВД Пресненского УВД в прокуратуру. В мае 2007 года старший следователь Пресненской межрайонной прокуратуры вынес отказ в возбуждении уголовного дела в отношении милиционеров – в связи с отсутствием в их действиях состава преступления. Спустя два месяца Омельченко обжаловала постановление об отказе, и по результатам рассмотрения жалобы оно было отменено как необоснованное и преждевременное. Однако

За пять лет, прошедших с начала этой истории, в стране была реформирована прокуратура, милиция переименовалась в полицию, но в истории с Омельченко не произошло ровным счетом никаких подвижек

уже другой следователь Пресненской прокуратуры, Цепелев, снова вынес постановление об отказе. В октябре того же года мать Омельченко обжаловала этот отказ, и снова он был отменен. Но в декабре тот же Цепелев опять вынес постановление об отказе. Дальнейшее пересказывать нет особого смысла, потому что и в 2008 году, и в 2009-м, и в 2010-м, и в 2011-м все продолжалось ровно по этому же сценарию: жалоба – постановление об отказе – отмена этого постановления. И продолжается по сию пору. Последний виток этой спирали произошел в июне, когда представители Фонда «Общественный вердикт», оказывающего юридическую поддержку Омельченко, в очередной раз обратились с жалобой на отказ в возбуждении уголовного дела.

«Этот случай не является каким-то экстраординарным, подобных историй в нашей практике предостаточно, – говорят в Фонде «Общественный вердикт».

– В лучшем случае по таким делам доходит до возбуждения уголовного дела в отношении сотрудника милиции. Но и появление уголовного дела – не панацея. Их приостанавливают, прекращают, это очень распространенная сегодня практика».

В Пресненском ОВД сказать что-либо по поводу случая с Омельченко отказались: «Мы не знаем, кто вам может дать комментарии по этому вопросу».

«Крайне низкое качество расследования жалоб граждан на пытки в полиции укрепляет чувство безнаказанности среди полицейских и воспроизводит практики пыток и жестокого обращения, – говорит Наталья Таубина. – Расследованием жалоб на действия сотрудников полиции должно заниматься отдельное следственное подразделение. И это подразделение должно расследовать только должностные преступления. Кроме того, оценка работы правоохранительных органов должна базироваться не только на количественных показателях, но и на качественных. Еще на этапе обучения полицейские должны усвоить, что они работают не в карательной системе, а занимаются защитой прав граждан. Только в результате комплексного реформирования всей правоохранительной системы можно будет ожидать, что пытки прекратятся».

За пять лет, прошедших с начала этой истории, в стране была реформирована прокуратура, милиция переименовалась в полицию, но в истории с Омельченко не произошло ровным счетом никаких подвижек. Впрочем, нельзя сказать, что в битве Эдуарда за справедливость ему не удалось одержать ни одной победы. В августе 2010 года Эдуард подал в Тверской районный суд Москвы иск с просьбой взыскать с Министерства финансов 30 тысяч рублей в качестве компенсации морального вреда за незаконное привлечение к уголовной ответственности. Судья исковые требования признал, но снизил сумму иска до трех тысяч рублей. Пока это все, чего удалось за пять лет добиться избитому милиционерами мужчине.

Судья исковые требования признал, но снизил сумму иска до трех тысяч рублей. Пока это все, чего удалось за пять лет добиться избитому милиционерами мужчине